

С. 2
Дочитать до «Вестника»
14 октября в Москве был представлен 203-й номер старейшего богословского журнала русского зарубежья «Вестник Русского христианского движения». Издатели, авторы и читатели свидетельствовали о том, что значит для них «Вестник», и вместе размышляли, каким должен быть богословский журнал сегодня

С. 6
«Эти конференции очень заслуживают того, чтобы их помнить»
Мы продолжаем вспоминать историю Преображенского братства. Сегодня член Межсоборного присутствия проф. Давид Гзгзян вспоминает участие братчиков в Международных богословских конференциях Русской православной церкви

С. 8
Преподобный Паисий и преподобный Серафим – два огненных старца
Преподобный Серафим Саровский жил немногим позже прп. Паисия Величковского и встречал его учеников. Но объединяет их прежде всего не время жизни и даже не общий монашеский путь, а «огненность» их святости

Приложение «Открытая встреча»
В нашем приложении фрагмент бакалаврской работы Сергея Бурлаки, рассказывающий о пути к Богу и в Церковь знаменитой пианистки Марии Юдиной, и размышления о том, зачем мы вспоминаем 30 октября имена жертв политических репрессий и как такое воспоминание может стать встречей

Тема номера **Всегда надо начинать с себя**

«Если не будет общин, Церковь превратится со временем в нечто подобное реликтовым религиям»

Вспоминая архимандрита Бориса (Холчева)

Архимандрит Борис (Холчев) с Лизой, дочерью о. Сергия Мечева, и Татьяной Алексеевной Давыдовой, женой о. Василия Евдокимова

С 1948 года и до 11 ноября 1971 года, дня окончания своей земной жизни, архимандрит Борис (Холчев) нес свое священническое служение в Ташкентской епархии. Привел к Богу и в церковь множество людей, окормлял духовных чад маросейской общины по завету священикомученика Сергия Мечева, был лучшим проповедником Ташкентской епархии и занимал должность епархиального духовника. Но главное дело, которое он не оставлял буквально до последних дней своей жизни, – огласительные беседы, проводимые им перед крещением.

Это были как личные беседы, так и встречи групп, которые собирали до 50 человек в то время, когда все религиозные собрания, кроме богослужебных, были запрещены, и когда людей за веру преследовали.

В Ташкенте после литургии в Александро-Невском храме на Боткинском кладбище мы беседуем об этом с протоиереем Сергием Стаценко – настоятелем храма, проректором по учебной части Ташкентской духовной семинарии.

Протоиерей Сергей Стаценко:
Архимандрита Бориса можно назвать маркером веры в Среднеазиатской епархии. Получилось так, что в свое время, когда Церковь проходила через период гонений, верующие из коренных епархий Русской Православной Церкви были вытеснены: одни добровольно ушли подальше от центра, другие были сосланы в Среднюю Азию. (Нужно сказать, что некоторые представители духовенства буквально рвались сюда, поскольку материальный достаток здесь был гораздо выше. Кто-то цинично называл это место «золотым дном». Но не эти люди определяли общий духовный климат епархии.) То есть прошел ряд социологических процессов, в результате которых в 1940–1970-х годах Средняя Азия оказалась средоточием веры для всей нашей Церкви. Причем верующие сохранили здесь тот самый настрой,

который, наверное, был свойственен еще дореволюционным временам – настрой подлинной веры. Революция ведь произошла не сама по себе, были разные объективные предпосылки, в том числе и потеря веры. Вот те, кто веру не потерял, на мой взгляд, перешли сюда, в Среднюю Азию.

Отец Борис прибыл в эти места после значительных перипетий в своей судьбе и, еще раз повторюсь, он стал маркером веры. Одно дело – люди верующие, но представляющие паству. Паства по определению должна быть кем-то собираема. Тех «пастухов», которые могли бы этим заниматься, время от времени удаляли – производилась своеобразная селекция со стороны спецслужб, Совета по делам Русской Православной Церкви. Заканчивалось это тем, что люди опять оставались без назиданий и наставлений.

Окончание на с. 4

«Мы должны бережно относиться к памяти тех, чьи бесчисленные останки покрыли нашу землю»

Из слова священника Георгия Кочеткова на литии по жертвам репрессий 30 октября 2015 года во время акции «Свеча памяти»

Э той молитвой, дорогие братья и сестры, мы завершили сегодняшней день поминовения бесчисленных, страшных жертв советских репрессий, жертв советской власти – того эксперимента над человечеством, который решили недобрые люди поставить на примере России. И сейчас, возжигая светильники на окнах наших домов, мы думаем о том, что произошло.

Мы проявляем сочувствие ко всем жертвам, и даже к тем, кто был репрессирован не без вины. Потому что, с одной стороны, нет человека, который жил бы и не согрешил, с другой стороны, насилие, агрессия, злоба никогда не могут быть оправданы даже личными, индивидуальными грехами жертв.

К сожалению, человечество показало, что оно может упасть так низко, как это произошло в России в XX веке, когда величайшее государство мира вместе со всем своим народом было погублено, убито, разграблено, опозорено. Мы с вами хорошо понимаем, что ничего подобного больше в человеческой истории произойти не должно. Но для того, чтобы такого никогда не произошло, нужно много потрудиться – с одной стороны, духовно, и интеллектуально, и молитвенно, с другой стороны, церковно и социально.

Нам жить на этой земле, и мы не можем ходить по ней, пока она вопиет к Небу от пролитых на ней крови и слез.

Священник Георгий Кочетков днем 30 октября в поселке Глебовский во время чтения имен репрессированных

Окончание на с. 3

Без богословия не может быть христианства

В Кишиневе прошли IV «Паисиевские чтения». В этом году чтения проводились в контексте празднования 25-летия Преображенского братства и были посвящены теме «Возвращение святоотеческой традиции богословия в жизни и трудах преподобного Паисия Величковского»

В президиуме: Владимир Лавренов, епископ Сорокский Иоанн (Мошнегуцу), Михаил Попеску, председатель Паисиевского братства Инна Саулова, архимандрит Паисий (Чекан), Майя-Мария Жгун

23 – 25 октября в Кишиневе прошла международная богословско-практическая конференция «Паисиевские чтения», которую провело малое православное братство во имя прп. Паисия Величковского по благословению митрополита Кишиневского и всей Молдовы Владимира, при содействии Ново-Нямецкого Свято-Вознесенского монастыря. В этом году чтения проводились в контексте празднования 25-летия Преображенского содружества и были посвящены теме «Возвращение святоотеческой традиции богословия в жизни и трудах преподобного

Паисия Величковского». Знаменательно, что даты проведения форума совпали с днями памяти Собора преподобных Оптинских старцев, учеников прп. Паисия.

Конференцию открывал епископ Сорокский Иоанн (Мошнегуцу), викарий Кишиневского епархии, который прочитал приветствие Преосвященного Владимира, митрополита Кишиневского и всей Молдовы, адресованное всем участникам и гостям конференции. Владыка пожелал всем плодотворной работы и общения, а также подчеркнул особую важность изучения наследия прп. Паисия.

Окончание на с. 4

Православие за рубежом

Дочитаться до «Вестника»

14 октября в Москве был представлен 203-й номер старейшего богословского журнала русского зарубежья «Вестник Русского христианского движения»

В связи с выходом нового номера журнала его издатель, авторы и читатели свидетельствовали о том, что значит для них «Вестник», и вместе размышляли о том, каким должен быть богословский журнал сегодня, как можно, не снижая планку, выйти на диалог с современным человеком.

На презентации в культурном центре «Покровские ворота» выступили переводчик и издатель трудов митрополита Сурожского Антония Елена Майданович, преподаватели Свято-Филаретовского института Юлия Балакшина и Лидия Крошкина, филолог Светлана Панич, искусствовед Ирина Языкова и другие авторы и читатели «Вестника». Ведущие вечера секретарь редакции Татьяна Викторова (Париж) и член редколлегии Наталья Ликвинцева (Москва) предложили поразмышлять о современных перспективах журнала и его диалога с читателем.

Истоки

«Вестник» впервые вышел в 1925 году как информационный бюллетень Русского христианского студенческого движения (РСХД), объединявшего с 1920-х годов русскоязычную христианскую молодежь в Европе. В РСХД впервые зародились религиозные кружки, целью которых было служение братскому единению и духовному пробуждению студентов. Именно здесь зародился диалог культуры и церкви.

Ключевую роль в создании движения сыграла международная христианская ассоциация ИМКА (YMCA – The Young Men's Christian Association), которая в России действовала с 1900 года и находила одобрение со стороны патриарха Тихона. Благодаря издательской деятельности ИМКА, которая после переворота 1917 года продолжалась в зарубежье, увидели свет не только многочисленные номера «Вестника», но и книги протоиерея Сергея Булгакова, Николая Бердяева, протопресвитера Александра Шмемана и Николая Афанасьева, Александра Солженицына.

Сегодня «Вестник РХД» печатается в Москве, в издательстве «Русский путь», но составляется по-прежнему в Париже под руководством Никиты Струве.

Святость для жизни

Дух христианского движения и его жизнь определили многие темы и жанры, которые появлялись на страницах «Вестника». Из желания помочь молодым людям войти в опыт церкви в РСХД родились новые по своей стилистике и глубине, не лубочные жизнеописания святых. «Все, что делали мыслители русского зарубежья, погружено в традицию, но всегда несет в себе и новый взгляд, позволяющий встретиться с опытом, стоящим за этой традицией», – сказала преподаватель СФИ Лидия Крошкина, исследователь творчества матери Марии (Скобцовой). В новом номере опубликована ее статья «Агиография русского зарубежья: Георгий Федотов и мать Мария».

«Помню, как Никита Алексеевич Струве привез в Тверскую областную библиотеку книги издательства «ИМКА-Пресс», это был настоящий праздник», – рассказала Лидия Крошкина. Она заметила, что современным студентам романтика читального зала, увы, не

так понятна, и для них дочитаться до «Вестника» – это примерно как «дочитать до Христа». В то же время опыт новой святости XX века, такой, как запечатленный в агиографических текстах матери Марии и в ее жизни, неожиданно оказывается для современной молодежи понятным и вдохновляющим. «Я с подростками читаю жития матери Марии, и они идут “на ура”, потому что там говорится о христианстве, которое для жизни», – сказала Лидия Крошкина.

Отраженная на страницах «Вестника» история русской мысли и русской святости в изгнании продолжалась и в советской России. «Сегодня мы открываем совершенно неизвестные страницы этой истории», – сказала Лидия Крошкина. В качестве примера она привела недавно обнаруженный в Череповце архив епископа Макария (Опоцкого), чудом не уничтоженный ни нацистами, ни НКВД. «Я прочитала одну молитву из этого архива – и это потрясающее литургическое творчество, очень созвучное тому, что мы находим в русском зарубежье».

Современным авторам «Вестника» надо выходить со страниц журнала «в народ», ведь подобный журнал может жить в христианском движении, каким было «Православное дело» матери Марии или само РСХД, считает Лидия Крошкина.

«И еще один чуть потоньше»

Одна из главных черт «Вестника», которую отмечали многие участники диалога, в том, что ему удается держать планку высокой культуры, которая, по выражению одного из авторов 203-го номера Юрия Кублановского, «делает человека человеком».

«У меня ощущение, что я знала его всегда, – призналась филолог Светлана Панич. – С 10 класса я хорошо помню книжный шкаф: Шолохов, Шолохов, Шолохов, за ним “Посев”, “Посев”, “Посев”, “Символ” – и еще один чуть потоньше, с синими буквами. Уже потом я опознала в нем “Вестник»».

«У журнала тихий, внятный и убедительный голос. Он говорит о церкви не как об институции, а как о живом организме, как о вестнице надежды», – добавила она. На протяжении многих лет редакции удается собирать и передавать разные христианские точки зрения со всего мира. «“Вестник” несет слово очень высокой пробы, высокой точности и правдивости, это слово не как носитель информации, а как событие, как символ единства веры и культуры», – заключила Светлана Панич.

Рождение диалога

О том, как развивался диалог церкви и культуры в России, говорила в своем небольшом выступлении доцент СФИ Юлия Балакшина, автор статьи «“Язык”, “символ” и “образ” как ключевые понятия богословия и эстетики протопресвитера Александра Шмемана». Она проследила основные вехи этого диалога – от осознания в начале XX века разрыва между «двумя такими разными мирами» (З. Гиппиус) на религиозно-философских собраниях до творчества отца Александра Шмемана и владыки Антония – «священников, для которых культура – уже совершенно органичная среда». Юлия

Юлия Балакшина, доцент СФИ и один из авторов журнала, и Наталья Ликвинцева, член редколлегии «Вестника»

Балакшина рассказала, что работу над диссертацией, посвященной диалогу церкви и культуры, она начала именно с прочтения подшивки «Вестника», который не просто дает представление о предмете, но и сам является «смысловым пространством, где этот диалог осуществляется». Она подчеркнула, что журнал старается ставить проблему тоньше и глубже, не сталкивать позиции лбами.

Отвечая на вопрос издателей о перспективах старейшего богословского журнала, она предложила возобновить на страницах «Вестника» диалог представителей современного искусства и церкви на уровне, который мало кто может предложить, кроме него. В качестве примера похожего диалога Юлия Балакшина вспомнила встречу режиссера Андрея Звягинцева с сотрудниками и студентами Свято-Филаретовского института, где в ходе обсуждения одного из его фильмов рождались новые смыслы, порой неожиданные для самого художника.

Лермонтов, Булгаков, папа Франциск

Одна из задач «Вестника» – приоткрыть читателю мир западной мысли, заметила секретарь редакции Татьяна Викторова. В 203-м номере вышли отрывки из недавно изданного на французском «Русского дневника 1928–1929 гг.» Пьера Паскаля, в которых видно, как первое романтическое восприятие русской революции сменилось у него более трезвым взглядом. На его глазах с храмов срывали колокола, исчезали люди. Также в номере опубликованы размышления французской исследовательницы творчества Бориса Пастернака Жаклин де Пруайар «“Привлечь к себе любовь пространства...”: перечитывая Бориса Пастернака». «15 болезней, угрожающих курии (и любому христианину)» – так озаглавлено предожественское выступление папы Франциска перед коллегией кардиналов, переведенное Никитой Струве специально для «Вестника».

В новом номере публикуется блок материалов, посвященных протоиерею Сергею Булгакову, в том числе его переписка с Николаем Глубоковским, Иваном Лаговским, статьи «Софиология отца Сергея и живая традиция» протоиерея Андрея Лаута, «Борьба за истину и рецепция наследия Булгакова в России» протоиерея Дмитрия Сизоненко.

К 200-летию юбилею Лермонтова в журнале вышла статья отца Александра Шмемана «Михаил Лермонтов. Философские мотивы в русской поэзии». Также в номер вошли статьи «“Поэта неведомый друг”: концепция читателя в поэзии А. Ахматовой и Р.-М. Рильке» Татьяны Викторовой, «Лирика М.Ю. Лермонтова в свете русской традиции философии диалога» Олега Зырянова и другие интересные материалы.

Сайт Свято-Филаретовского института
Софья Андросенко
Фото Александры Строцовой

Ежегодный съезд РСХД был посвящен теме «Миряне и соборность»

10–11 октября в местечке Жамбиль в 50 километрах от Парижа состоялся ежегодный съезд РСХД (ACER-MJO) на тему «Миряне и соборность». На съезд собралось около 70 членов Движения и гостей из Франции, Бельгии, Германии, Венгрии и России.

Субботний день начался утреной и закончился вечерней. На съезде прозвучало 3 доклада. В связи с тем, что архиепископ Иов запретил отцу Кристофу Далузио (Брюссель) выступать на съезде, его доклад «Служения и дары в церкви» прочла Лидия Оболенская. Александр Филонен-

ко (Харьков) выступил с докладом «Миряне и открытость к миру», во многом посвященным богословию и личности митрополита Антония Сурожского. Англиканский пастор Сара Вилсон (Страсбург) говорила о роли мирян в Церкви согласно богословию Элизабет Бер-Сижель. Ее выступление было частью вечера памяти Элизабет Бер-Сижель.

Накануне съезда правление Движения получило резкое и даже оскорбительное письмо от архиепископа Иова, в котором движение фактически обвинялось в том, что вместо воцерковления

жизни оно занимается секуляризацией Церкви. Участники съезда решили провести акцию солидарности с одним из лидеров Движения отцом Кристофом Далузио, запрещенным в служении в июле на основании ложных обвинений, и вручить архиепископу ответ на его послание. Ради этого воскресная программа съезда была отменена. Утром в воскресенье члены съезда прибыли в Париж на литургию в кафедральный собор на рю Дарю. Многие причастились. После службы во дворе собора выхода Иова ожидало около сотни людей из разных

приходов Архиепископии. К изумлению собравшихся, архиепископ вышел к своей пастве в сопровождении десятка охранников, которые сомкнулись вокруг него плотным кольцом, когда он спешно проследовал через ряды народа. Затем в трапезной приходского дома состоялся бурный разговор между архиепископом и движением. Фотографии, видеозапись и текст разговора широко разошлись по интернету.

Сайт «Вестника РХД»
Более пространный отчет о съезде будет опубликован в готовящемся к печати 204-м, осеннем номере «Вестника»

Издание Преображенского содружества малых православных братств

В прошлом номере «Кифы» (№ 13(199)) в материале «Церковное искусство и искусствоведение от отцов и до наших дней» профессор СПбДА, известный церковный археолог Николай Васильевич Покровский ошибочно назван «Николаем Владимировичем». Редакция приносит свои извинения

Кифа

Одобрено Синаодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60
(Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81
(Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76
(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91
(Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11,
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05
(Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Борк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 9 ноября 2015 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 13 ноября 2015 г.

gazetakifa.ru

Церковь и общество

«Мы должны бережно относиться к памяти тех, чьи бесчисленные останки покрыли нашу землю»

Начало на с. 1

Из слова священника Георгия Кочеткова на литии по жертвам репрессий 30 октября 2015 года во время акции «Свеча памяти»

Все замечают, что когда что-то хоть немного исправляется, меняется все, даже погода, даже природа, даже животный мир. Но в целом наша земля остается обезображенной, исковерканной и растерзанной. Она еще не возродилась, не восстала, еще не открыла свои глаза и уши. Люди не очистили еще свою совесть. Да, сделать это можно только Божьим повелением и Божьим чудом. Но мы хорошо знаем: когда Бог действует, Он всегда что-то – а нередко и очень многое – делает через людей. И сила Божья нередко совершается именно в человеческой немощи, и значит, наша немощь этому не препятствие.

Мы должны бережно относиться к памяти тех, чьи бесчисленные останки покрыли нашу землю в XX веке. Вся наша земля стала кладбищем. И нужно, обязательно нужно проявить любовь и милосердие ко всем жертвам. И в то же время нужно сказать о происходившем так, чтобы не вызвать новой волны злобы и агрессии. Правда должна звучать, но ее еще нужно научиться свободно выговаривать, объявлять, провозглашать – чтобы люди перестали бояться и стесняться ее, как мы до сих пор постоянно видим это в нашей стране. Нам нужно многое сделать, чтобы церковь наша могла стать прекрасным вместилищем благодати, чтобы народ наш мог возродиться как настоящий народ великой страны.

Уже невозможно вернуть той русской цивилизации и культуры, которая погибла в минувшем веке. Но можно предвидеть возможность новой цивилизации, преемственной по отношению ко всему доброму, светлому, хорошему, что было на этой земле испокон веков и о чем люди так крепко забыли, подавившись на слова лжи и клеветы.

Всегда надо начинать с себя, другого пути нет. Поэтому мы с вами сегодня и молились здесь. И даже тогда, когда очень хотелось бы что-то сделать для себя, в свое удовольствие, для облегчения тяжести своей жизни, мы должны – и мы стараемся это делать – жить не для себя, а для Бога и ближних. Все остальное приложится нам. Господь дает все, что нужно. И даже в годину испытаний и страданий человек может обрести великую благодать.

Будем же, дорогие братья и сестры, обретать мудрость, которая сейчас нужна для того, чтобы победить, чтобы снять этот толстый слой пепла и всяких нечистот с душ человеческих и с самой земли нашей! И первое, что мы ради этого делаем, – вспоминаем тех, кто стремился к добру, к любви, к правде, к вере, в ком была надежда, исполнения которой в земной жизни своей они не увидели, но которая может быть исполнена благодаря их силе духа, подвигу их жизни. Мы видим, что даже люди очень простые и очень немудрящие, и может быть, совсем не безгрешные в прежней своей жизни, перед лицом страшной смерти, перед лицом вздыбившегося зла обретали совсем новые качества. И пусть Господь рассудит каждого из них! А мы будем молить Господа милосердного о прощении всех, и нас, грешных.

Аминь.

Хотим посоветовать читателям прочитать и проповедь о. Георгия, прозвучавшую на следующий день. Она опубликована в его личном блоге по адресу <http://www.odkochetkov.ru/publikacii> и называется «Молиться – кровь проливать»

«Молитва памяти» прозвучала в городах России

День памяти жертв политических репрессий с 1991 года установлен как государственная памятная дата и отмечается 30 октября. В этот день проходят митинги, возложения венков и цветов к памятникам репрессированным, «уроки памяти» в учебных заведениях, посвященные памяти людей, погибших и пострадавших в ходе политических репрессий. Русская православная церковь уже не первый год принимает участие в акциях поминовения. Мы публикуем здесь лишь малую часть новостей из 17 городов России, где в этот день звучала поминальная молитва и имена погибших.

Москва

30 октября на Ваганьковском кладбище столицы прошла «Молитва памяти», посвященная всем жертвам политического террора в нашей стране.

Выбор места проведения акции, организованной Синодальным отделом по взаимоотношениям Церкви и общества и культурно-просветительским центром «Преображение» при поддержке приходской общины храма на Ваганьковском кладбище, не был случайным. Здесь, на крупнейшем кладбище центра Москвы, на протяжении десяти лет (с 1926 по 1936 гг.) тайно хоронили тела расстрелянных в подвалах Лубянки невинных жертв террора. По информации, предоставленной обществом «Мемориал», здесь покоятся несколько тысяч расстрелянных.

30 октября их память была почтена поминальной молитвой. Перед началом заупокойного богослужения представитель ОВЦО священник Сергей Матюшин обратился к собравшимся с призывом хранить память о страшной трагедии политического геноцида сталинских репрессий. «Хранить память о геноциде тех лет – наша священная обязанность и залог того, что подобные трагедии не повторятся в будущем. Здесь, на священной Ваганьковской земле, погребено множество репрессированных, среди них и те, кого убивали только за принадлежность к Церкви, только за исповедание Христа. Сегодня мы будем молиться об их упокоении. Но к девяти из них, уже прославленным в лике новомучеников Российских, мы обратимся особо, как к нашим покровителям и молитвенникам. Известно изречение: «Кровь мучеников – семя христианства». Страданиями тех, кого мы поминаем сейчас, Церкви сегодня дарована свобода. И этот дар нам необходимо хранить и ценить», – напомнил священник.

После заупокойного богослужения о всех в годину гонений в Отечестве нашем невинно убиенных, которое возглавил отец Сергей, началось зачитывание имен и кратких биографий тех, кто был казнен и погребен на Ваганьково. Имена читали представители культурно-просветительского центра «Преображение», родствен-

ники репрессированных и все желающие, кто собрался на площади Ваганьковского некрополя.

Чтение имен продолжалось вплоть до закрытия кладбища.

Сайт Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества ***

Чтение имен погибших и поминальная молитва в Москве продолжались в течение многих часов также на Трубной площади и в сквере на месте взорванного Успенского храма на Покровке.

Санкт-Петербург

Названием акции, проходившей на Троицкой площади, стала строчка из стихотворения Анны Ахматовой «Хотелось бы всех поименно назвать...». Поминали погибших и пострадавших, в том числе репрессированных священнослужителей.

Клирики Санкт-Петербургской митрополии протоиереи Андрей Жук, Александр Степанов и Евгений Горячев поочередно в течение дня служили заупокойные литии у Соловецкого камня.

Акция началась с возложения цветов к Соловецкому камню. Руководитель центра «Возвращенные имена» при РНБ, составитель «Ленинградского мартиролога 1937–1938» Анатолий Разумов рассказал, что в Ленинграде в октябре 1937 года были расстреляны 4072 человека, из которых 203 женщины, из них 50 – монахини и послушницы Горичского монастыря. Ночью 30 октября 1937 года были расстреляны 696 человек. Были зачитаны их имена.

Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге Александр Шишлов поблагодарил пришедших на митинг членов семей репрессированных и тех, кому довелось пройти через лагеря и тюрьмы, отметив, что страна перед ними в неоплатном долгу, поскольку они боролись за человеческое достоинство и права человека.

Выступали родственники репрессированных, каждый рассказывал о трагической странице истории своей семьи. Из рук в руки передавались списки расстрелянных по политическим мотивам и зачитывались их имена. Митинг посетили члены общества глухих, которые почтили память пострадавших по сфабрикованному делу ленинградских глухонемых – одному из самых жестоких и нелепых: членов организации арестовали по обвинению в фашистско-террористической деятельности.

Протоиерей Андрей Жук после заупокойной литии сказал: «Мы пришли сюда выразить свою любовь, выражением любви была наша молитва. Свеча, которую я зажег около памятника, выражает нашу скорбь и любовь. Желаю, чтобы Господь воздал вам сторицей за молитву и внимание, которое вы сегодня уделили поминанию погибших. Вечная память тем, кто невинно пострадал за веру Христову!»

Вокруг камня были размещены стенды с жизнеописаниями священнослужителей, пострадавших за веру, и несправедливо обвиненных мирян.

Акция длилась с 12 до 20 часов и была организована центром «Возвращенные имена» при Российской Национальной библиотеке, организацией «Мемориал», Свято-Петровским малым братством, мемориально-просветительским и историко-культурным центром «Белое дело».

Сайт Санкт-Петербургской митрополии/ИА «Бода живая»

Екатеринбург

30 октября 2015 года, в День памяти жертв политических репрессий, митрополит Екатеринбургский и Верхотурский совершил заупокойную литию на площади возле храма «Большой Златоуст».

Кроме того, в этот день у храма «Большой Златоуст» прошла общероссийская акция «Молитва памяти»: с самого утра здесь поминали людей, ставших жертвами репрессий в XX веке. С наступлением темноты возле храма состоялось возжигание «Свечей памяти».

Молитва памяти в Екатеринбурге. В центре митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл и председатель Свято-Екатеринбургского малого православного братства Олег Глаголев

В этот день в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Гвери, Воронеже, Самаре, Рязани и других городах России читаются имена людей, погибших в годы массовых репрессий, а также совершаются заупокойные молитвы о невинно пострадавших.

Сайт Екатеринбургской митрополии

Архангельск

Молитву памяти, которая прошла в Архангельске, на площади перед театром драмы, накануне Дня памяти жертв политических репрессий, открыли словами из поэмы Анны Ахматовой «Реквием».

Все-таки сложно найти слова, которые лучше выразят весь ужас репрессий, чем – «Я и молюсь не о себе одной, а обо всех, кто там стоял со мной».

В Архангельске акция проходит уже во второй раз. Сколько конкретно имен читали на Молитве памяти, подсчитать сложно, сказала организатор акции Ирина Пономарева, но ясно, что больше тысячи.

– У этой акции нет цели погрузить человека в тайны ожесточенной истории и абсурда бытия, – сказала Ирина Петровна перед акцией. – Все люди, чьи имена мы будем сегодня читать из «Книги памяти», нуждаются в нашей молитве, в том, чтобы мы говорили им о том, что они живы. Засвидетельствовать ценность человеческой жизни – это самое важное.

Мария Атрощенко Газета «Правда Севера»

В материале использованы фотографии с сайта Екатеринбургской митрополии, а также Информационного агентства «Москва»

Москва, Трубная площадь

© Агентство "Москва"

Без богословия не может быть христианства

Начало на с. 1

В Кишиневе прошли IV «Паисиевские чтения». В этом году чтения проводились в контексте празднования 25-летия Преображенского братства и были посвящены теме «Возвращение святоотеческой традиции богословия в жизни и трудах преподобного Паисия Величковского»

Приветствие и отеческое наставление всем собравшимся дал наместник Свято-Вознесенского Ново-Нямецкого монастыря архимандрит Паисий (Чекан). Он выразил надежду, что темы, пропущенные «через душу и сердце» докладчиков, станут всем интересны, а традиции проведения Паисиевских чтений продолжится.

Доклад монаха Германа (Мудренко) из Ново-Нямецкого монастыря представил краткую историю православного богословия, подтвердив слова о. Александра Шмемана о том, что «без богословия нет и не может быть христианства».

Санкт-Петербургский исследователь наследия прп. Паисия Майя-Мария Жгун рассказала о последних архивных находках. Ей удалось проследить путь и узнать о жизни странствовавших учеников старца Паисия, которые из молдавской земли отправились в Россию для распространения его трудов.

Владимир Лавренов, кандидат исторических наук и член Государственного Геральдического Совета при Президенте РФ, представил доклад о богословском ответе на вызовы современности, ответе, которым могло бы стать общинно-братское собрание по примеру прп. Паисия.

Сразу два сообщения в этот день были посвящены переводам, ведь одним из направлений, в которых трудился прп. Паисий, был перевод текстов святых отцов. Переводчик, антрополог и бакалавр богословия Елена-Алина Патракова в своем докладе помогла увидеть святоотеческую богословскую традицию с неожиданной стороны – как непрерывную цепь переводов. Антрополог, аспирант философской кафедры Гейдельбергского университета Ольга Манзура представила обзор тех проблем, с которыми сталкивается переводчик, и раскрыла один из главных вопросов всей философской мысли XX века – возможен ли выход за границы своего языка и, если да, то как? По словам Ольги, прп. Паисий и его община – яркий пример того, как с верой преодолеваются и языковые, и культурные границы и барьеры.

Иоанна-Жоржетта Згеря, доктор экономических наук и преподаватель Молдавской экономической академии, раскрыла социологический аспект христианской миссии и представила данные о том, сколько людей в Молдове считают себя православными, по каким причинам ходят или не ходят в церковь.

Отец Максим Мелинти, кандидат богословия и доктор исторических наук, прочитал доклад о современных проблемах духовного образования.

Второй день Паисиевских чтений проходил не менее насыщенно. Часть докладов была прочитана 24 октября в Свято-Вознесенском Ново-Нямецком монастыре в селе Кицканы, по приглашению настоятеля обители архимандрита Паисия (Чекана). В этот день в монасты-

ре был праздник в честь Ново-Нямецкой иконы Божьей Матери, на который собралось множество гостей. На литургии предстоял епископ Комратский и Кагульский Анатолий (Ботнар), который благословил всех участвующих в конференции на плодотворную работу.

Священник Иосиф Тома, член православного движения «Воинство Господне» из Румынии, представил доклад, посвященный многообразию богословских аспектов деятельности прп. Паисия. По словам о. Иосифа, прп. Паисий действовал на пересечении трех различных культур – славянской, греческой и румынской – что делает его опыт поистине уникальным и важным для многих стран Восточной Европы.

Специально для конференции петербургский исследователь наследия прп. Паисия Петр Жгун подготовил сообщение о современном состоянии рукописей паисиевской школы. По подсчетам ученого, на сегодняшний день известно порядка 500 рукописей учеников преподобного, которые разбросаны по 15 архивам в России, Молдавии, Румынии, Болгарии, Украине и даже Австрии. «Братство переводчиков», как назвал общину прп. Паисия докладчик, много трудилось над тем, чтобы работа старца получила максимальное распространение. Ради этого приходилось прикладывать массу усилий: например, через Синод трудно было получить разрешение на печать материалов, поэтому все многочисленные переводы писались вручную.

Преподаватель Свято-Филаретовского православно-христианского института Кирилл Мозгов выступил с завершающим сообщением, посвященным сходу двух «огненных старцев» – прп. Паисия и прп. Серафима Саровского (Доклад опубликован в этом номере. – *Ред.*). Завершился второй день конференции итоговым напутственным словом архим. Паисия всем присутствующим и молитвой.

IV Паисиевские чтения стали попыткой дать ответ на вопросы, поставленные на прошлогодней конференции «Иночество в миру в эпоху постмодерна».

– Эпоха постмодерна ставит перед нами задачу искать современный язык, на котором сегодня можно говорить о своей вере, – сказала председатель организационного комитета конференции Инна Саулова. – Каждый из нас призван свидетельствовать, и поэтому мы собираемся для изучения наследия прп. Паисия. Мы вместе стараемся следовать его примеру жизни по Евангелию, примеру соборания и устройства жизни многонациональных братств.

По итогам IV «Паисиевских чтений» планируется издание сборника докладов. Материалы прошлогодней конференции с докладами на двух языках были изданы и представлены в рамках прошедших чтений.

Ольга Гнаткова
Фото Анастасии Плетенской

После литургии. Начало второго дня конференции

«Если не будет общин, Церковь по реликтовым религиям»

Протоиерей Сергей Стаценко:

Отец Борис, на мой взгляд, приехал вовремя, когда вера находилась, можно сказать, в точке выбора. К тому времени люди либо определяли себя уже как атеисты, либо должны были идти по пути исповедничества за веру. Гонения Хрущева в 1960-е годы можно сравнить и с красным террором, а, возможно, даже и с римскими гонениями в древние апостольские и постапостольские времена. Отец Борис начал свою работу достаточно скромно. Он не делал громких заявлений, он не занимался эпатажем, не дразнил власти, он потихонечку начинал беседовать с людьми, причем со временем эти беседы становились все более популярными. А легальная форма бесед проявлялась на проповеди. Отец Борис давал какие-то катехизические поучения, в основном связанные с вероучением. Поскольку это не касалось политики, не касалось отношения к советской власти, то власти более-менее могли это терпеть.

Дальше – больше. Отец Борис начал собирать людей перед крещением, мотивируя тем, что непросвещенность веры может привести, например, к фанатизму. И власти оставляли в покое этого чудного старичка, возможно, считали это формой какой-либо шизофрении, и поэтому огласительные беседы, которые собирали от пяти до сорока человек, шли на протяжении многих лет, до тех пор, пока хватало сил у отца Бориса. Благодаря ему в Средней Азии выросло поколение энтузиастов и тех людей, которые до сих пор его помнят и которые благодаря его усилиям были не просто воцерковлены, а ревностно воцерковлены, и которые никогда не забывают про храм.

Вы можете назвать кого-то из этих людей?

Я назвал бы недавно почившего иеромонаха Варфоломея (Гречушкина) (протоиерея Александра Гречушкина), которого с детства окормлял о. Борис. Протоиерей Михаил Котляров тоже прошел через школу оглашения. Отчасти это коснулось Николая Павловича Гомолицкого. Я называю живых или близких по времени к нам современников. Мой стаж служения здесь насчитывает без малого пятнадцать лет, поэтому я называю тех, кого сумел застать и с кем сумел поговорить. Беседы на духовные темы, на темы вероучения – обычная форма общения после богослужения, и они привели к тому, что вырос целый социальный «пласт» верующих людей, воспринявших наследие о. Бориса. Благодаря этому можно сказать, что наследие о. Бориса живо и процветает. Благодаря им и сохранилась память об о. Борисе. Например, вы видите, что могила о. Бориса благоустроена, украшена. Это сделано его учеником и верным почитателем, архитектором, жившим в Ташкенте. Потом он уехал в Россию, но до конца своей жизни не забывал об о. Борисе и в память о нем благоустроил его могилу.

С какого-то момента память об о. Борисе стала угасать, несмотря на очевидные чудеса. Приведу в пример такой случай. Когда мы в епархии начали проводить огласительные беседы, начало этих бесед было связано с рядом издержек. Люди зачастую возмущались новыми порядками и обычно общение заканчивалось истерическим криком: «Что ж вы делаете, вы людей от церкви отталкиваете!». Одна из таких бабушек пришла и с жестким напором провозгласила, что мы чуть ли не еретики. Мы старались разговаривать с ней со смирением. Все-таки кончилось тем, что она прошла огласительные беседы и настолько прониклась самой идеей необходимости этого, что стала, наверное, наиболее активной их участницей. Мало того, она вспомнила свою молодость и рассказала, что ходила на это кладбище

и приходила на могилку о. Бориса. Это было связано со следующими обстоятельствами. Когда она проходила около могилы о. Бориса, то постоянно чувствовала исходящее от нее благоухание. Сначала она думала, что это из-за цветов, но благоухание продолжалось и в отсутствие цветов, и более того – в зимнее время. Она заинтересовалась тем, что происходит, и стала немножко принимать участие в благоустройстве могилы. Но молодость, иные интересы в конце концов на долгое время от Церкви ее отвели. Она оставила письменные воспоминания об этом в нашем архиве. Вот какие могут быть превратности судьбы.

Об о. Борисе я рассказываю на огласительных беседах, говорю о том, что он проводил эти беседы буквально в режиме подвига, так как в любой момент его могли и арестовать, и сдать в психиатрическую клинику, и подвергнуть другим видам репрессий.

После последнего ареста о. Сергея Мечева в 1929 году архимандрит Борис становится по его благословию старшим в общине, т. е. в огромном кругу православных христиан, которые играли заметную роль в жизни церкви. Заметен ли был дух общинной жизни Маросейской общины в Ташкентской епархии в этом кругу? Можно ли было сказать: вот это – мечевцы! Это было видно?

По воспоминаниям современников – да, это было, связь с общиной, сама форма общинной жизни, причем в какой-то период, приходившийся на конец хрущевского правления, до конца 1960-х, начала 1970-х годов, тайная общинная жизнь и настоящее духовное делание цвели пышным цветом. Но позже все постепенно стало затухать. Сработал ряд факторов, в первую очередь – давление властей, атеистическая пропаганда. Закончилось тем, что дух общинности стал растворяться в повседневной суете. Наиболее активные общинники – о. Василий Евдокимов, о. Георгий Ивакин-Тревогин – претерпели преследования, уже подошел возрастной предел, а преемников не было.

Рядом с Александро-Невским храмом. Протоиерей Сергей Стаценко с паломниками из малого православного Св.-Георгиевского братства, сентябрь 2015 г.

Превратится со временем в нечто подобное

Начало на с. 1

Вспоминая архимандрита Бориса (Холчева)

Ведь что такое община? Община вообще по большому счету предполагает преемственность поколений, а этого на тот момент не было. То есть люди, которые в силу естественных причин теряют силы, должны поддерживаться теми, кто взял это преемство на себя. В случае со сподвижниками отца Бориса этой преемственности, к сожалению, не было. Перед священником стояло два варианта для выбора: либо идти на подвиг, который может и не увенчаться успехом. Что это значит? Можно бы кого-то активно «вовлечь», но тогда посадят и вовлекающих, и вовлеченных. Либо пытаться нести пастырское служение, уходя от обид, от каких-то внутренних нестроений, от несостоявшихся надежд, не теряя присутствия духа, что и делали сподвижники о. Бориса. Но имевшийся опыт, к сожалению, на тот момент не удалось передать другим...

Те верующие, которые были наиболее активными, либо вытеснились, либо сами выезжали отсюда. А те, которые не проявляли активности, со временем оставляли Церковь под давлением властей. Срабатывало и множество других факторов... К сожалению, в какой-то момент начала срабатывать формула классиков марксизма-ленинизма: бытие начало определять сознание для тех, кто не сильно был укоренен в вере. Я бы сказал, что община перешла в подводное существование. Реальными общинниками, а, вернее, общинницами были те самые «белые платочки», которые, может быть, были не столь грамотные в вере и не столь много могли сказать о собственном вероучении, но сам дух и приверженность этому сохраняли. Я помню еще начало 1990-х годов, когда бабушки держали у себя фотографии священников, причем им неважно было, какой священник – известный или неизвестный, высоких моральных качеств или низких, самое главное – это был человек того времени! И этот человек, который сохранил свою веру и служение, считался априори святым. Поэтому и держали фотографии для того, чтобы не только помнить об этих временах, но и молиться на этих людей. Те, кто был пограмотнее, объясняли мне, что будут времена, когда человек, просто призвавший имя Христово, спасется. И многие «белые платочки» как раз и воспринимали времена гонений, атеистической пропаганды как то самое время, когда достаточно было только помнить имя Христово и держаться Его.

В общем боготорческая власть поработала хорошо. Поработала, но эта работа оказалась в конце концов неэффективной. Есть такое понятие – засевание. Например, я проповедую, вроде бы пытаюсь привлечь людей в храм. Но они не приходят. Благодаря о. Борису я понял, что не следует надеяться на то, что проповедь даст мгновенный результат. Получилось так, что и его сподвижники проповедовали, привлекали людей, семечко упало в землю, но на тот момент оно еще не проросло. Ростки оно дало после их смерти. Со сподвижниками о. Бориса так же. Пусть они умерли, не увидев осуществления своих надежд. Но их надежды все-таки осуществились следующим поколением верующих, когда возникли более благоприятные условия, когда Церковь была освобождена от атеистического гнета.

Что можно сказать о круге архимандрита Бориса, об известных здесь, в епархии, членах «мечевского» круга?

Да, многие сподвижники приехали сюда с архимандритом Борисом. Отец Василий Евдокимов, о. Георгий Ивакин-Тревогин оставались в епархии буквально до последних лет своей жизни. Можно говорить и об их энтузиазме, и об их служении. Куда бы они ни попада-

ли, вокруг них формировалась община. Но последний период их жизни, здесь скрывать нечего, и нужно говорить об этом прямо, был связан с упадком их сил. Во-первых, сил физических, во-вторых, их энтузиазм был, наверное, убит равнодушием людей. Почему? Светоч этого движения о. Борис был уже в иных обителях. Они доживали свой век в условиях, когда не просто Церковь не почиталась, но когда и верующие стали в конце концов исчезать. Мне памятно, например, дневниковые записи регента кафедрального собора Душанбе. В конце 1970-х – начале 1980-х годов он писал на полях нотных тетрадей, что «народу все меньше и меньше, к чему все катится – неизвестно...». Затем наступает Перестройка. Восьмидесятые годы, храмы просто невообразимо полны битком. И, удовлетворенный этим, тот регент отошел ко Господу.

Слава Богу, что так. Мы, пожалуй, в наше время переходим в аналогичную реальность. Нет гонений со стороны властей, нет какого-то нажима со стороны средств массовой информации или тех людей, которые недоброжелательно настроены к Церкви. Но равнодушие вновь ползучей сапой наступает и захватывает все больше и больше людей из нашей паствы. Ладно, если бы это было жесткое противостояние, как сказано в Апокалипсисе: «О, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:15–16). К сожалению, сейчас, видимо, время извержения многих людей из уст Божиих. И худобно, мы стараемся этому противостоять. Сколько получится – не знаем, все в руках Божиих. Но есть пример, есть тот человек, который в одиночку был одним воином в поле, и благодаря ему битва в конце концов на довольно продолжительный промежуток времени была выиграна. Это архимандрит Борис (Холчев).

Известно, что Ташкентская епархия давно подготовила документы на канонизацию о. Бориса.

Если говорить о его канонизации, то по новым правилам, которые были выдвинуты Синодальным отделом по канонизации святых, необходимы сведения из личного дела, которые хранятся в архивах КГБ. И в России, и в Узбекистане эти архивы закрыты. Но есть подвижки, которые дают возможность говорить с определенной надеждой, что эти сведения мы все-таки добудем. Если же говорить о чудесах, т. е. о другом критерии, необходимом сегодня для канонизации, то они в обилии совершаются на этой могиле. Чаще всего это чудеса бытовые, т. е. личная просьба и очень быстрое ее исполнение, причем исполнение наилучшим образом. И это происходит всегда, это происходит непрерывно. Люди потоком приходят сюда, и ради этого мы немножко благоустроили могилу, поставили сюда подсвечники, поскольку люди втыкали свечи прямо в могилу и в крест. Крест был даже опален, пришлось его зачищать, подгоревшие места до сих пор видны. То есть память архимандрита Бориса поддерживается, и возникает уверенность, что она не угаснет никогда и что это реальный святой.

Можно ли говорить о единстве мысли, о единстве в служении, единстве духа соборных членов маросейской общины? Как Вы это себе представляете?

Я представляю себе это как некий литургический взрыв. Что это значит? В тех условиях проповедовать более активно было нельзя. И весь нерастроченный запас талантов был брошен именно на то единственное, что власть не запрещала, – на богослужение, на Божественную литургию. Для властей это было

некое театральное действо, которое было непонятно основному большинству верующих, поэтому вреда, по моему мнению, никакого не приносило. Молитвенная сосредоточенность священников, их внутренний духовный порыв привели к тому, что для людей Евхаристия действительно стала центром жизни. Может быть, не Евхаристия, а богослужение как таковое. Мне еще удалось застать людей, для которых литургия значила все. Причем богословски они это для себя обосновать не могли. Например, для тех же «белых платочков», которые сохранили Церковь, основой жизни была «служба». Они называли это «службой». Для них это была возможность помолиться. Даже дома, где над ними насмеялись молодые потомки, они не всегда такую возможность могли найти. Этот литургический порыв, литургический взрыв тоже помог и сохранить веру, и ее приумножить.

Например, старые певчие рассказывали, что в те времена Всенощное бдение могло идти с пяти часов вечера до половины одиннадцатого, до одиннадцати вечера. И не было проблем, чтобы отстоять эту службу. Они рассказывали, что в храмах витал дух благоговения, причем дух настолько умиротворяющий, что все ощущали себя как на Фаворе, когда апостол Петр, благодатью проникнутый, сказал: «Хорошо нам здесь быть». Они описывали, что настроение у людей было постоянно приподнятое, радостное. Присутствовало ощущение, что ты попал туда, куда надо, и из этого места не хотелось бы уходить никогда. Причем в Церкви, как и сейчас, были свои нестроения, но когда шла служба, все про это забывали. Не хотелось уходить из храмов, и храм реально становился вторым домом.

Позже уже, в 1990-х годах, когда в Церковь пришло множество людей, не знакомых с тем наследием, церковные службы стали восприниматься неким тяглом, которое нужно было «перестоять» ради того, чтобы получить «удачу в жизни». То есть в жизни новых верующих стали проявляться элементы оккультизма. И есть, может быть, смысл попытаться изучить наследие ташкентских подвижников веры и в литургическом отношении. Я думаю, что вполне реально возродить этот литургический взрыв и в наше время.

Действительно, в маросейской общине особое внимание уделялось богослужению и проповеди. Мы знаем, что и Вы сейчас направляете свои усилия на создание общины. И уже не первый раз, присутствуя на литургии в Александро-Невском храме, мы видим, что Вы также придаете проповеди большое значение. Это как-то связано с опытом архимандрита Бориса?

Естественно. Есть огласительные беседы о. Бориса, есть воспоминания его современников, сохранились аудиозаписи его проповедей. Правда, это проповеди исключительно катехизического характера, публично о чем-то ином говорить было нельзя на тот момент. Я могу сказать, что изучал сначала теоретический опыт, в первую очередь наиболее ярких строителей общин. Я сделал для себя элементарный вывод – с людьми нужно говорить. Не думать, что люди знают все, не думать, что люди будут заниматься самообразованием, и не предполагать, что сведения мистическим образом посыплются в их сознание. Никогда образом. Есть такое понятие – паства. Паству нужно вводить на пажить, на то место, где они найдут для себя пищу. Или же пастух, праведный хозяин, пастырь, берет эту пищу зимой и приносит туда, где живут овцы стада Христова. Получается так,

Протоиерей Сергей Стаценко у могилы архимандрита Бориса (Холчева)

что если мы эту пищу не приносим, паства разбредается. Самая главная пища – это слово, проповедь. Христос является главным Образцом пастырского служения. Верные Его последователи тоже занимались тем, что проповедовали. Если говорить, например, о заповеди Христовой «Идите научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф 28:19–20), то можно вычленивать последовательную триаду в этой заповеди:

– «идите и научите» – это собственно миссия;

– «крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» – это тайнодействие, т. е. приобщение ко всем Таинствам Церкви;

– «уча их соблюдать все то, что повелел Я вам» – по сути дела, это катехизация.

Мы столкнулись с уникальной ситуацией, когда действует средняя часть – люди крещены. При этом две другие части триады, к сожалению, в нашей Церкви либо слабо обозначены, либо вовсе отсутствуют. И нынешняя проповедь должна иметь не только исключительно катехизический, но и миссионерский характер. То есть нам необходимо давать основы веры, мотивировать крещеного (!) человека к ее приятию, и одновременно учить человека жить в Церкви. Я думаю, в свое время это понял и о. Борис, поскольку и его деятельность была связана с тем же – с миссией, и с катехизацией, и с апостольским служением, и со служением пастырским, учительным. Для меня, например, это воодушевляющий пример. Я уверен, что если этот пример удастся транслировать гораздо шире, на всю Православную Церковь, рассказать о нем больше и на более широкую аудиторию, то он будет воодушевляющим фактором и для других людей. Для тех, кто понимает, что необходимо не просто людей приводить в храм, не только общаться с ними на индивидуальном уровне, но строить крепкие духовные семьи. Не будет общин – Церковь превратится со временем в нечто подобное реликтовым религиям, которые застывают на уровне малых групп и обречены на исчезновение в будущем. Так что борьба за души идет всегда. И я думаю, что если сейчас мы не сподвигнемся на создание духовных семей-общин, то через какие-то жизненные скорби, а, может быть, и через более глобальные неприятности Господь все равно вынудит нас прийти к этому.

Беседовали Олег Глаголев, Ольга Борисова
Материал подготовлен Ольгой Борисовой

Фото Любови-Лилии Клейменовой

«Кифе» – 200 номеров!

Вот мы и выпустили 200 номеров. Много это или мало?

Для газеты, наверное, маловато.

Но когда я смотрю назад, как будто в бесконечно уходящую вдаль перспективу, мне кажется, что это очень, очень много. Сколько разных людей разговаривали с читателями со страниц «Кифы» за эти годы!

С нашей первой страницы на читателя обычно смотрели архиереи. Они говорили о том, что интересовало «Кифу» – о церковном предании, о проблемах богословия, о миссии и катехизации, о братской и общинной жизни и даже об агапах. Я не помню ни одного скучного, «официозного» интервью, а было их восемьдесят!

Самое главное – чем больше мы говорим друг с другом, тем лучше преодолеваем проблемы, которые стоят перед нами. Разрушаются мифы, подозрительность... Но для того, чтобы двигаться вперед, нам нужно осмысление проблем не только на уровне Синода или Архиерейского собора. Важно, чтобы весь народ Божий принимал участие в подготовке этих решений.

Из интервью с митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом (ныне патриарх Московский и всея Руси). 2003 год

О православии в разных городах и странах рассказывали представители и представители почти всех Поместных православных церквей.

И хотя «Кифа» не является в узком смысле богословским ресурсом, лучшие современные богословы говорили с нашим читателем о проблемах литургики и экклезиологии, сакраментологии и эсхатологии.

К сожалению, православное богословие пока не нашло своего собственного пути в современном мире и мы пока еще находимся под влиянием западного богословия. Мы тоже разделились на консерваторов и либералов, потому что это разделение произошло в западном богословии.

И мы не обрели своего собственного, православного пути. Это то, что пытаются сделать некоторые из нас, включая и меня: найти не протестантский, не католический, но именно православный путь. Но это невероятно сложно.

Из интервью с митрополитом Иоанном (Зизиуласом)

С самых первых номеров нашей газеты церковные журналисты размышляли на ее страницах (иногда собравшись вместе по приглашению «Кифы») о том, что такое православная журналистика, какие издания должны родиться для того, чтобы ответить современнику на его главные вопросы.

Мы стоим перед большим количеством вопросов. При этом, насколько это возможно в такой ситуации, мы не должны впадать в пессимизм, потому что пессимизм редко бывает творческим. Как и оптимизм: любые «измы» – не творческие начала. Надо продолжать делать свое дело так, как будто слишком большого кризиса нет.

Из интервью с главным редактором «Вестника РХД» Никитой Алексеевичем Струве

Ну и наконец, мы пока что просто остались живы, а ведь много вполне достойных церковных изданий в последние годы перешли в один лишь электронный формат (как это сделал «Церковный вестник» в 2012 году), а то и просто прекратили свое существование (как «Новый Ковчег» и «Нескучный сад»). И остается надеяться, что мы останемся местом встречи и диалога.

Как показало время, для многих светских людей «Богослов» стал в целом приемлемой площадкой, на которой они могут выразить свое мнение – при том, что могут не соглашаться, спорить и т. д. На мой взгляд, создание таких площадок целиком оправдано и должно стать приоритетом. Причем не для того, чтобы устраивать глобальные встречи, диспуты, дискуссии – мы до этого еще совершенно не доросли – а для того, чтобы молодежь вырастала в несколько обновленной парадигме: человек церковный может быть еще и высококультурным, причем не только внутри церковной ограды, но и во внешней среде.

Из интервью с протоиереем Павлом Великановым, главным редактором научного богословского портала «Богослов.Ru»

Материал подготовила Александра Колымагина

«Эти конференции очень заслуживают того, чтобы их помнить»

Одной из страниц истории Преображенского братства было участие в Международных богословских конференциях Русской православной церкви. Рассказать об этом мы попросили члена Межсоборного присутствия проф. Давида Гзгзяна

Хотелось бы вспомнить в рамках истории братства наше общее участие в международных богословских конференциях Русской православной церкви, которые собирала Синодальная богословская комиссия¹.

Я помню, что начиналось все довольно скромно, и первая конференция, о Троице, была достаточно камерной. Но от раза к разу форум развивался и в количественном, и в качественном отношении, и, думаю, со временем мог бы стать наиболее значительным в православном мире, а может быть, и не только православном.

Для митрополита Филарета² эта конференция, проходившая раз в два года и представлявшая собой один из наиболее крупных и успешных проектов Синодальной богословской комиссии, была важным детищем, в которое он готов был вкладывать большие силы и ресурсы. Владыка очень радел за общение в Церкви, особенно на уровне настоящих экспертов, придирчиво их отбирал, и очень скоро ему удалось – насколько я помню, дважды – собрать чрезвычайно представительный форум. Мне особенно памятна конференция по таинствам. Мало кому удается собрать в одном месте столько ведущих специалистов по этой проблематике; обычно такие конференции проходят как камерные и сугубо специальные. Изданный по итогам этой конференции сборник до сих пор не потерял своего значения в качестве подведения промежуточных итогов исследований.

Особенно ценной, на мой взгляд, была установка митрополита Филарета на широкое общение, на популяризацию. Многие из докладов носили характер подведения итогов многолетних исследований по сакраментологии и исторической литургики. Обсуждались тренды, достижения, перспективы. Конференции СБК вполне могли стать уникальной дискуссионной площадкой. Но к 2010 году у владыки не осталось на это сил, а нового авторитетного энтузиаста не появилось...

Так что эти конференции очень заслуживают того, чтобы их помнить.

А как представители братства участвовали в этой конференции?

Участвовать в них мы начали, насколько я помню, с 2003 года. Я дважды выступал как докладчик. Отец Георгий участвовал в заключительной дискуссии, проходившей в форме круглого стола, на конференции о таинствах.

Но ведь смысл этих конференций был не только в том, что люди пришли, отчитали доклады. Там было, по моим воспоминаниям, достаточно интенсивное общение между заседаниями.

Да, это так. Мы, скажем, тогда с профессором Полом Вальером познакомились, и у нас до сих пор дружеские отношения.

Было бы преувеличением говорить, что общение на конференциях было очень широким и глубоким, но все равно общую атмосферу, да и вообще то, что там происходило, можно считать выдающимся прорывом.

Какое значение в этом контексте имело наше участие практически во всех конференциях?

Я думаю, для братства это была прежде всего форма публичной реабилитации. Когда оказалось, что после кампании 1997-го года, после «правдолюбивской» комиссии и всех нападок на «Катехизисы» о. Георгия (а это, напомним, 2000–2001 год) член братства, то есть в данном случае я, может выступать в качестве докладчика на международной конференции Русской православной церкви, а духовный попечитель братства, о. Георгий, в заключительной дискуссии, тут уже сомнения в «неправославии» выглядят совершенно предвзятыми.

Мне кажется, что там еще и важное внутри-церковное общение совершалось. Ведь именно на одной из этих конференций кто-то из членов «правдолюбивской» комиссии подходил и лично просил у батюшки прощения.

Да, действительно. Подошел, попросил.

Докладчик от нашего братства там был один, но если я правильно помню, в целом там братчиков побывало немало...

Да, туда ходила целая команда! И, кстати сказать, митрополит Филарет был нам за это благодарен. Нужно сказать, что и общая атмосфера была явно «в нашу пользу».

Проф. Давид Гзгзян, зав. кафедрой Священного писания и библейских дисциплин СФИ Лариса Мусина и президент Всемирной конференции ассоциаций богословских институтов проф. Петрос Василиадис на конференции «Эсхатологическое учение Церкви», 2005 г.

На этих конференциях собирались лучшие современные богословы – и православные, и не только православные. Насколько эти конференции были для нас полем для общения?

Как я уже говорил, скажем, про работы Пола Вальера я узнал только благодаря этим конференциям. Большой удачей было пообщаться с ним лично. Американинец не просто интересующийся, а знающий русский религиозно-философский ренессанс как целую традицию и даже разбирающийся в нем настолько, что предложил свою классификацию этого наследия, это большая редкость.

А потом, ну, скажем, где мы могли непосредственно перекинуться парой слов с владыкой Каллистом (Уэрмом)?

Ну почему же, он принимал, и не раз, наших паломников. Да и в Бозе мы с ним встречались.

И все-таки на этих конференциях можно было неспеша с ним побеседовать, взять большое интервью.

Да и вообще участвовать в налаживании, поддержании каких-то связей, не только для братства, но и для всей церкви.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

¹ «Православное богословие на пороге III тысячелетия» (февраль 2000 г.), «Пресвятая Троица» (июнь 2001 г.), «Учение Церкви о человеке» (ноябрь 2001 г.), «Православное учение о Церкви» (ноябрь 2003 г.), «Эсхатологическое учение Церкви» (ноябрь 2005 г.), «Православное учение о церковных таинствах» (ноябрь 2007 г.), «Жизнь во Христе» (ноябрь 2010 г.), «Современная библеистика и Предание Церкви» (ноябрь 2013 г.).

² Митрополит Минский и Слуцкий Филарет возглавлял Синодальную богословскую комиссию вплоть до 2011 г. Ныне на покое. Конференцию 2013 года собирал новый глава Комиссии (переименованной в библейско-богословскую), митрополит Волоколамский Иларион, являющийся также председателем Отдела внешних церковных связей и ректором Общецерковной аспирантуры и докторантуры.

Ректор СФИ профессор священник Георгий Кочетков и ученый секретарь СФИ профессор Александр Копировский на пленарном заседании конференции «Жизнь во Христе», ноябрь 2010 г.

«Нехорошо быть человеку одному»

Из воспоминаний А.М. Копировского

В начале 1970-х гг. мы, группа молодежи, состоявшая из 10–15 человек, – как недавно пришедших в церковь, так и происходивших из традиционно православных семей, – часто вместе готовились к причастию (читали Канон покаянный, Канон Богородице, Последование ко святому причащению и т. д.), вместе ходили на исповедь (особенно в храм Николы в Кузнецях и к о. Виталию Боровому в патриарший Богоявленский Елоховский собор, где еще один из священников по нашей просьбе даже исповедовал нас после всенощной, чтобы мы могли присутствовать на всей литургии) и вместе причащались. А потом всегда какое-то время стояли в притворе, не желая сразу расходиться, тем более, что большинству приходилось возвращаться в семьи, где об их вере либо ничего не знали, либо относились к ней резко отрицательно. И как-то само собой получилось, что все мы стали делиться друг с другом просфорами, полученными «за ящиком» после подачи записок. Кстати, интересный парадокс: просфора – наше приношение в храм, а нам отдают ее обратно, вынув чисто символическую частичку. Благочестивое съедание потом этой просфоры натошак в течение нескольких последующих дней у нас не стало общепотребительным, да и носило оно слишком индивидуальный характер. А вот поделиться этой просфорой с друзьями во Христе и получить взамен такой же кусочек от каждого из них оказалось неожиданным «благодатью на благодать». Не имея сами возможности устроить общую трапезу у кого-то дома, мы получили ее от Церкви.

Эти несколько минут нахождения в храме не были «общением у вешалки», как после хорошего спектакля. Приведу пример. Когда к нашему кругу (мы в прямом смысле стояли «кольцом») попытался присоединиться один знакомый нам, но по разным причинам не очень приятный человек, аз грешный решил от него отделаться и попытался вовлечь в это о. Георгия (будущего о. Георгия!). И тогда он устроил мне выволочку по первому разряду за отказ от общения во Христе, за утрату духа причащения, которое в нормальном случае не закрывает, а раскрывает сердце навстречу другим.

Что для вас значат агапы?

Ирина Мельникова

После литургии как-то не хочется идти просто домой и закрыть Божью благодать просто внутри своего сердца. Напротив, хочется разделить евхаристическую радость и вдохновение вместе с братьями и сестрами.

Для меня агапа всегда неразрывно связана с литургией, и вместе этот день составляет мистическое соединение общины людей в единое целое. В это время община, наконец, становится сама собой, освободившись от будничной суеты, человеческих сложностей и всего наносного, что разрушает ее суть.

Когда агапа состоялась, всегда есть ощущение, что сейчас вместе с этими людьми, братьями и сестрами, вы выходили из мира сего и пребывали в Царстве Небесном в Христовой любви.

Татьяна Никитина

Агапа – трапеза любви, любви человека к человеку и к Богу. Эта трапеза поддерживается любовью Бога к человеку. Господь покрывает все недочеты и человеческие слабости. И когда каждый человек, присутствующий на агапе, с одной стороны, помнит о Создателе, боится чем-то Его обидеть, так же как и другого человека, а с другой стороны четко понимает, что он должен сделать, какой вклад внести, тогда складывается удивительное действие, которое может изменить человека, придать смысл его существованию, наполнить человеческую душу теплотой и незыблемой уверенностью, как прекрасен этот мир и что все на своих местах.

В группе мы делимся друг с другом какими-то событиями или открытиями присутствия Бога в наших жизнях или

ведь тот человек (кстати, потом он стал священником) подошел не к кому-то одному, а именно к кругу людей, делящих просфоры, подошел после участия в службе, после общего причащения. И действительно, «нехорошо быть человеку одному» в такой момент!

Итак, с одной стороны, была невозможность скрыть избыток сердца, от которого говорят уста, а с другой – было желание не выплескивать его просто так вовне, в житейское море. Молитвослов после причащения, как известно, советует хранить себя «в чистоте, воздержании и немногословии» (один иеромонах, помню, выразил это тогда короче и энергичней: «После причащения – 3 часа молчать!»). У нас же получилось – хоть на некоторое время молчать для мира, но собираться и общаться для Бога и Церкви. А спустя некоторое время исполнились времена и сроки: сдались на милость Божию грозная Кузьминична, мама о. Георгия, и вот тогда-то мы надолго «въехали» в их квартиру.

Готовились к первой агапе серьезно. Отец Георгий получил благословение на нее у прот. Всеволода Шпиллера, который был тогда нашим главным духовником и после этого, отчасти, «виновником» наших агап. Тогда именно он, наряду с о. Таврионом, митр. Никодимом и о. Виталием Боровым, призывал к регулярному причащению, вплоть до еженедельного. Он же, как и они, причащал во все большие праздники и даже на Пасху (что в «абсолютно-истинно-православных» кругах сразу же было названо ересью).

Не помню, когда в нашем лексиконе впервые появилось слово «агапа». Но точно знаю, что о. Георгий нашел исходный материал для такой трапезы у С.И. Фуделя, в семье мечевцев Пестовых, в книге П. Соколова и в статье из «Журнала Московской Патриархии» о сербской «крестной славе», т. е. о том, как празднуют именины православные христиане в Сербии, хотя напрямую там слова «агапа» не было.

В листочке, который удивительным образом нашелся у меня в шкафу накануне 25-летия первой домашней агапы в нашем братстве, был перечень имен пред-

полагавшихся девяти участников (тогда зашифрованный, разумеется). Это мы с о. Георгием, его мама († 2003 г.), Ольга Таяновская (ныне сотрудник центра «Круг» по реабилитации детей с отклонениями в развитии) и ее подруга Наташа (сейчас – жена протоиерея), Анатолий (протоиерей); две студентки истфака МГУ – Елена (кандидат исторических наук, преподает в нашем Институте) и Марина (монахиня) – и Татьяна, сотрудница одного из отделов Московского Патриархата.

Был и еще один участник этой трапезы, не вошедший даже в зашифрованный список (впрочем, он, кажется, вообще был приглашен в последний момент) – старший патриарший иподьякон Серафим Соколов (впоследствии – инспектор МДАиС, а затем – епископ Новосибирский и Бердский Сергей, † 20 октября 2000 г.). С его присутствием у меня связано единственное вполне конкретное воспоминание о той первой агапе. Узрев наши приготовления и, особенно, просфоры, Серафим несколько напрягся, но сам же разрешил это напряжение очень просто. Он взял наши вынутые просфоры со словами: «Дайте-ка, отцы, я их сам порежу – от греха подальше!». И порезал – ровными тонкими кусочками, как для заправки...

Еще от той встречи осталось чувство покоя и, главное, естественности. Не было надрыва, сознания того, что мы делаем что-то особенное, исключительное, «не как у других». В этом смысле агапа родилась из всей нашей предыдущей жизни в церкви как ее восполнение и, в то же время, как ее плод. Мне кажется, что только вследствие этого мы и смогли потом в течение 25 лет проводить агапы каждые 2 месяца, без какого-либо закрепленного чина, свободно, без дисциплинарных постановлений и специальных напоминаний. Именно так они проводятся и сейчас во всех наших братских общинах-семьях и группах – в Москве, в других городах и даже странах. Это означает, что они возродились в церкви, потому что опять стали ей нужны.

Полностью статья была опубликована в журнале «Православная община» № 60 в 2000 году

жизнях других людей. Это укрепляет веру в Бога! Человек сам по себе склонен сомневаться. Поэтому очень важно, что на агапе он находит подкрепление своей веры, а еще вдохновение жизни и новый взгляд на брата или сестру.

Если человек верит в Бога, в Его любовь к человеку, он понимает, что все люди братья и сестры. И нет никакого разделения. Даже если человек еще не соприкоснулся с Богом, с Его благодатью, а вернее сказать, просто еще не думал об этом, не осмыслил и не трудился в направлении стяжания Божьей благодати.

Что сказать человеку, не имеющему такого опыта, об агапе? Лучше всего, если такое возможно, было бы его позвать: «Приди и посмотри!»

PS. В последнее время я вместе с мужем и двумя дочерьми принимаем участие в трапезах после литургии в храме святого Павла в г. Инчоне, в Южной Корее. Весь приход – это порядка 50 человек. Общение происходит с соседом за столом. Иногда этим соседом может оказаться иностранец, язык которого ты не понимаешь, а он не понимает твоего. Тем не менее общение в духе любви может состояться. Господь и любовь сильнее всякого разделения!

Праздничная агапа 23 августа 2015 года, в день празднования 25-летия Преображенского братства

Историческая справка

Агапы, или вечера любви, известны с первых дней существования Церкви. В то время таинство Евхаристии совершалось не во время дневного богослужения, а отдельно и – в подражание Тайной вечере Иисуса Христа – вечером и соединялось с общено вечерю (ужином). Таким образом, подобные собрания христиан представляли двоякое общение: с Господом и братское – друг с другом, и назывались вечера Господня и вечера любви. Каждый из участников приносил пищу с собой. Сначала агапы были воплощением высшего настроения христиан, живших в ожидании близкого пришествия Христа. Это настроение создавало «у множества верующих одно сердце и одну душу» (Деян 4:32). Они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах (Деян 2:42). Настроение христиан, однако, мало-помалу охладевало. Это влияло на агапы: уже при ап. Павле стали появляться беспорядки, о чем свидетельствует 11 глава I-го послания к Коринфянам. Эти беспорядки, постоянно усиливаясь, повели к постепенному отделению агапы от евхаристии.

Окончательная утрата традиции агап произошла начиная с IV–V вв. Причиной этого стал широкий внешний рост церкви, в которой оказалось много недостойных членов. Если во времена апостола Павла христиан, недостаточно понимавших величие христианской веры, было немного и они постепенно могли дорасти до достойного участия в агапе, то теперь такого рода «плевел» было слишком много и церковь постепенно стала забывать традицию вечерей любви. Кроме того, агапа не вполне соответствовала аскетическому духу, которым под влиянием подвижников-аскетов стало проникаться христианское богослужение. Агапы, однако, не исчезли совсем. Еще долгое время сохранялись у христиан общины трапезы в дни чествования памяти мучеников, а впоследствии и при погребении родственников. Следы влияния агап сохранились и в современной литургии (молитва о «плодоносящих»), в благословении хлебов, в обычае пасхального артоса, поминальных трапез и т. п. В Абиссинии у коптов-христиан совершались в день причащения общественные трапезы, напоминающие агапы.

В XX веке в связи с попытками возрождения общинной жизни в церкви стали возрождаться и агапы. Совместные трапезы после богослужения приняты практически повсеместно в европейских и американских православных епархиях. Агапы совершались в «покаяльных семьях», существовавших под духовным окормлением св. прав. Алексия Мечева и его сына, сщмч. Сергия. Можно предположить, что и другие общины, существовавшие во времена советской власти и не оставившие по понятным причинам воспоминаний и документов, так или иначе были причастны к этой практике.

Каноны, касающиеся агап (мы приводим здесь полный список таких канонов по Книге правил в связи с тем, что упоминания канонов об агапах часто бывают неполны или некорректны):

«Аще кто презирает творящих вечера любви по вере, и созывающих братию в честь Господа, и не хочет имети общения в приглашениях, низким почитая творимое: да будет под клятвою». (11 правило Гангского собора (340 г.))

«Не подобает освященным лицам, или причетникам, или мирянам, призываемым на трапезу любви, унести от нея части: ибо сим причиняется оскорбление церковному чину». (27 правило Лаодикийского собора (ок. 360 г.))

«Не подобает в храмах Господних или в церквах совершати, так именуемые трапезы любви, и в доме Божиим ясти, и возлежание творити». (28 правило Лаодикийского собора (ок. 360 г.))

«Не должно в местах, посвященных Господу, или в церквах совершати так называемые трапезы братолюбия, и внутри храма есть, и ложе постилать. Сие же творить дерзающие, или да престанут, или да будут отлучены». (74 правило VI Вселенского собора (680 г.))

Справка составлена по материалам книги П. Соколова «Агапы или Вечера любви в древнехристианском мире» (Сергиев Посад, 1906), словаря «Христианство», изданного в 1993 г. под редакцией С.С. Аверинцева, а также «Книги правил»

Преподобный Паисий и преподобный Серафим – два огненных старца

Доклад преподавателя СФИ Кирилла Мозгова на Паисиевских чтениях¹

Преподобный Серафим Саровский жил немногим позже прп. Паисия Величковского (он пережил его на сорок лет) и встречал учеников Паисия. Но объединяет их прежде всего не время жизни и даже не общий монашеский путь. Одной из центральных роднящих их характеристик оказывается «огненность» их святости.

О прп. Паисии житие говорит: «Видевшие все это в нем своими очами, и слышавшие своими ушами (современники) несомненно свидетельствуют о нем следующее: “В нем была любовь огненная, которою он от юности вседушно возлюбил Господа своего, и которою, преуспевая, все более и более воспламенялась, и разливалась равно на всех ближних. Ибо он всех разогревал своею любовью и ревностью, всякому соболезновал, всякому сострадал, объемля душою своею в особенности духовных своих чад”». Таково свойство христианской любви – собирать и согревать, зажигать этим божественным огнем других.

Преподобный Паисий Величковский

Неслучайно и Прохор берет себе при постриге имя Серафим («пламенеющий», «пламенный», «зажигающий»; а по толкованию так называемого Дионисия Ареопагита – «согревающий»).

В письме настоятельнице Арзамасского женского монастыря Марии Протасьевой прп. Паисий пишет: «Христос, истинный Бог наш, говорит: “Огонь пришел Я низвести на землю и как желал бы, чтобы он возгорелся!” (Лк 12:49). Приняв от Него этот огонь Божественный, вверженный на землю сердец их, святые апостолы и ученики Господни тотчас пламенем любви к Нему возгорелись, оставили мир и все, что в мире, и, придя к Нему, как к Господу и Учителю своему и истинному Наставнику на путь спасения, предали себя душой и телом в истинное послушание и отсечение своей воли и разума до последнего своего издыхания и с великой и неисповедимой радостью сказали Ему: “Вот мы оставили все и последовали за Тобою” (Мф 19:27)». Далее он перечисляет всех, воспламенившихся от этого божественного огня: апостолов, святых мучеников, преподобных и богоносных отцов наших. «И что много говорить? приняв этот Божественный огонь благодати Божией, все святые, истинные рабы Христовы, всякого чина и звания и на всяком месте владычества Его (см. Пс 102:22), получили спасение, ибо всеприлежно сохранили душеспасительные евангельские заповеди, без исполнения которых одной только православной верой спастись невозможно». Преподобный Паисий связывает исполнение заповедей, т. е. дела веры, без которых сама по себе вера еще не спасает, с разгорающимся в сердцах христиан огнем божественной любви. Святым всех времен – от апостолов до наших дней, оставившим все и последовавшим за Христом, – он и предлагает подражать, чтобы вера не оставалась лишь теорией, убеждениями, нашими взглядами, но чтобы она воплощалась в жизни, прорывалась в нее подобно тому, как прорывается через тьму огонь и свет.

Дошедшие до нас наставления прп. Серафима начинаются со слов о Боге как огне: «Бог есть огонь, согревающий и разжигающий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих хлад, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа, и Он, пришед, согреет наше сердце совершенной любовью не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты изгонится хлад дробоненавистника». Охлаждение сердца и угасание вследствие этого самой жизни прп. Серафим прямо возводит к «доброненавистнику», т. е. дьяволу, призывая не давать ему места в наших сердцах, но, почувствовав охлаждение, призывать Господа, воспламеняющего в нас Свою Любовь. И далее он говорит о надежде: «Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света», ведь избранные Богом, принятые им, уже на земле приобщаются опыту Царства Небесного, просвещаются его вечным светом. Каждый христианин должен стремиться к просвещению, будучи запечатлен в крещении Духом Святым. Преподобный Серафим об этом говорил так: «...Про эту-то самую огнедохновенную благодать Духа Святого, когда она подается нам всем верным Христовым в Таинстве Святого Крещения... говорится: “Печать дара Духа Святого”». Таким образом, «огнедохновенная благодать Духа Святого» уже коснулась каждого христианина, уже есть в опыте каждого запечатленного в крещении печатью дара Духа Святого. Но тем не менее далеко не всегда жизнь христианина пламенеет этой благодатью. Даже получив этот дар как аванс, каждый должен еще потрудиться ради обретения полноты христианской жизни, о которой и говорят преподобные, приложившие усилия, согласно словам Писания. Только цель этих усилий – так

же в соответствии со словами Христа – в стяжании Духа Божьего. А это уже задача, превышающая собственно аскетические границы: аскетика говорит о средствах, но цель – это область мистики. Многим современникам прп. Серафима вместить это оказалось трудно. С приходом нового игумена (Нифонта избрали, когда сам Серафим категорически отказался от игуменства) начались притеснения преподобного. Именно гонения на прп. Серафима в его же монастыре вынудили его уйти в затвор. Но светильник не может оставаться под спудом, и все ищущие живого слова и укрепления в вере получили возможность общения с преподобным, когда он вышел из затвора.

Основой христианской жизни – как в монастыре, так и в миру – оба старца называют Священное Писание. Преподобный Паисий рассказывал о своем детстве, когда он любому другому занятию предпочитал чтение: «И сначала я с великим усердием и вниманием прочитал Священное Писание Ветхого и Нового Завета, потом книгу “Маргарит” святого Иоанна Златоуста и книги святого Ефрема со святым Дорофеем». Поэтому и традиционно возводимую во главу угла монашескую добродетель послушания он основывает на тексте Писания, подчеркивая, что для спасения недостаточно «одной православной веры», но необходимо исполнение заповедей: «Соблюдение же заповедей Христовых и словес Его есть не что иное, как только совершенное послушание Христу Господу».

Понятно, что для исполнения слов Христовых нужно хорошо их знать. В отличие от тех, кто считал, что чтение Писания для мирян представляет трудность или даже опасность, прп. Серафим говорил: «Душу снабждать надобно словом Божиим, ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб Ангельский, имже питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири... От сего бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением Божественным». Сам преподобный хорошо знал Писание, постоянно цитировал его и призывал всех прежде всего им руководствоваться в устройении своей жизни. При этом он подчеркивал, что читать Писание нужно разумно, чтобы это чтение приносило плод. Более того, читать Писание нужно целиком: «Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочесть всю Библию разумно». Само это усердное чтение, по мысли старца, будет наставлять человека, поскольку «за одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставляет человека Своєю милостью, но исполняет его дара разума».

Преподобный Паисий также говорит не только монашествующим, но и всякому верующему: «Советую вам прилежнее читать Божественное Писание и учение святых и богоносных отцов наших, которым дано благодатью Пресвятого Духа разуметь тайны Царствия Божия, то есть истинный смысл Священного Писания; в их духопросвещенном учении вы найдете все, что нужно ко спасению».

И если есть у тебя духовный наставник, и если ты не обрел его, в любом случае, как учат нас оба преподобных, прежде всего руководствоваться в жизни должно Словом Божьим. «Если же невозможно найти наставника, могущего руководствовать к умозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, говоря: Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную (Ин 5:39)».

Если в основании устройства жизни лежит Священное Писание, то становится более понятным и несколько раз упоминающееся в текстах прп. Паисия послушание как наставнику, так и друг другу: «Также он установил, чтобы... хранилось послушание старцу и друг другу»; «...большинство из братьев, до конца умертвив свою волю и рассуждение и во всем повинувшись мне и собратиям, ...принимая послушание братьям».

«Цель жизни христианской состоит в стяжании Духа Божьего, и эта цель жизни всякого христианина, живущего духовно». Это схождение Духа Святого в жизни христианина есть подлинная реальность, требующая трезвения и бодрствования, как и реальность пребывания среди верующих Самого Христа. Уже цитировавшееся письмо арзамасской настоятельнице Марии прп. Паисий завершает пожеланием: «Господь же наш Иисус Христос, истинный Бог наш, сказавший: “Где собраны двое или трое во имя Мое, там Я посреди них” (Мф 18:20), по молитвам Пресвятой Своей Матери, Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых да будет посреди вас, собравшихся во имя Его пресвятое, во веки».

Задачу собирать со Христом, собирать и укреплять Церковь Христову оба преподобных осуществляли самым непосредственным образом. Устроенная прп. Серафимом Мельничная община, куда входили посвятившие себя служению Богу, но не принимавшие монашеских обетов сестры, была ярким примером такого собирания. Неслучайно делалось это под покровом Божьей Матери,

традиционно связываемой в христианском предании с образом самой церкви. Возможно, эта его забота о сестрах, формально противоречащая монашеской традиции не общаться с женским полом, была одной из причин непонимания его современниками. Однако опыт прп. Серафима оказался очень востребованным и стал распространяться уже вскоре после его кончины.

Это относится, например, к поволжскому движению так называемых «беседников», возводящих свою историю именно к преподобному. «Радость моя! Стяжи себе мирный дух, и тысячи вокруг тебя спасутся», – этот призыв обращен к каждому. Фактически прп. Серафим предвосхитил столь плодотворную в конце XIX и в XX веке традицию «монастыря в миру» или «белого иночества».

Устройство обители прп. Паисия буквально возвращает нас к первохристианским общинам: «Такое общее житительство всех братьев, собранных в нем о имени Христовом, хотя бы они и из разных народов и стран были, столь великою любовью их связывает, что все они становятся единым телом, а друг для друга – членами (1 Кор 12:27); все вместе единую имеют главу – Христа, все горят любовью к Богу, к своему по Богу отцу и друг ко другу, все единодушно и единомысленно имеют единое намерение – усердно исполнять и соблюдать Божии заповеди, друг друга к этому поощряют, друг другу с такой мыслью повинуются, друг друга тяготы носят, друг другу бывают господами и друг другу рабами. И за такую свою истинную, духовную и единомысленную любовь становятся они подражателями жизни Господа, апостолов и ангелов...».

Достаточно непростой жизненный путь обоих старцев показывает, что одним из условий их «огненности», того света, которым они щедро делились с другими, был и долгий путь их собственного просвещения. «Повесть о святом соборе» сохранила достаточно подробный рассказ о предпринятых молодым Паисием усилиях по поиску необходимых книг и дальнейших трудах по их исправлению. А введение их в современный опыт вообще стало для него делом жизни. В своих наставлениях прп. Серафим обращается к традиции монашеским авторитетам (Ефрему Сирину, Макарию Египетскому и др.), но и вспоминает многих отцов церкви. Одно из самых первых его жизнеописаний, составленное в 1837 г. и опубликованное в 1841 г. видевишем его при жизни монахом Сергием, говорит о том, что «особенно он любил ревнителей веры: Климента Римского, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Афанасия Великого, Кирилла Иерусалимского, Епифания Кипрского, Амвросия Медиоланского».

Слова их подтверждены были и их жизнью. В жизнеописании обоих преподобных есть рассказы о буквальном огненном сиянии, исходившем от них. «Когда же я (Мотовилов) спросил его, великого старца Серафима: “Как же я и почему именно узнаю, что я в Духе Божием или нет?” – то он, возложив руки свои на плечи мне, сказал: “Да вот, ваше Боголюбие, мы оба теперь с вами в полноте Духа Божия. Что же вы мне, убогому Серафиму, в глаза не глядите?” Я ответил: “Не могу, потому что из них молнии светятся, и у меня глаза ломит, и я не могу смотреть на вас, батюшка отец Серафим, потому что вы светлее солнца”. <...> В это время лицо его как бы вышло из-под молниеносного света, и свет остался только кругом лица его, на далекое пространство»². А в «Житии прп. Паисия Величковского, написанном схимонахом Митрофаном» мы читаем воспоминания об этом сиянии прп. Паисия: «Я стоял, смотрел на него и, увидев, что его лицо было как бы огненным, поразился этому. <...> Потом по прошествии долгого времени, я дважды видел его лицо сияющим, в то время, как он беседовал с нами»³.

В наше хладное время подражание вере и следование опыту этих старцев может быть неоценимым путем возрождения церкви, ответом на многие трудные вопросы, которые современная жизнь ставит перед верующими людьми. Это и собирание людей по примеру созданных ими общин, включающее возможность служить Богу любому человеку, как семейному, так и нет, и труды на поприще духовного просвещения, и воссламенение верой сердец сегодняшних христиан. Все это и будет для нас усвоением опыта прп. Паисия и прп. Серафима, двух огненных старцев, живших в не самые простые времена, но явивших пример целостного следования за Духом Святым «в полном трезвении и души, и духа и в целомудренной чистоте плоти» по слову прп. Серафима.

¹ О конференции «Паисиевские чтения» подробно рассказано в этом номере «Кифы» на страницах 1,4.

² Ильин В.Н. Преподобный Серафим Саровский. Париж, 1925. С. 124–125.

³ Прп. Паисий Величковский. Житие и избранные творения / Церковно-славянский текст с параллельным русским переводом А.П. Власюка. Серпухов, 2014. С. 293.

Преподобный Серафим Саровский

Молитва о России

Эту молитву Н.Н. Неплюева (1851–1908) читали во многих городах во время поминальной молитвы по жертвам политических репрессий

На отчизну нашу Россию излей благодать Твою, Боже! Да соединятся все народы, её населяющие, в одну семью, единомысленно исповедующую Тебя, Отца Небесного; всю жизнь свою единокорно, по вере, устрояющую – да будет едино стадо и Един Пастырь. Да будет хлеб насущный, телесный и духовный, для всех без изъятия. Да будет мир и любовь между всеми нами и да будут бессильны козни врагов, внутренних и внешних, злых сеятелей плелел на ниве Твоей, писанием, словом или делом вносящих шаткость в умы, горечь в сердца, соблазн, раздор и всякую скверну в жизнь.

Пошли, Господи, деятелей добрых на российскую ниву Твою. Да огласят они её словом Правды Твоей, да просветят её примером жизни по вере. Пошли, Господи, народу российскому

чуткость сердца, да разумеет он святые речи избранных Твоих. Да разумеет он святую волю Твою и неизменно и с радостью творит её, да будет Русь воистину свята, да соединится она единомысленно и единокорно в одно великое Братство Христово, мыслью, словом и делом верное Богу и Христу Его. Да будет наша Русь светом мира и солью земли, да видят все народы пример доброй христианской жизни и прославят Отца нашего Небесного. Господи, Владыка мира, посети отчизну нашу благодатью Своею, да облечётся она святостью, как ризою, и да будут сыны её в смирении своём достойны одежды брачной, в которой надлежит войти в чертоги Царства Твоего.

Дай, Господи, России пройти путь покаяния и осознания в смирении; дай, Господи, ей преображения!

Аминь

Н.Н. Неплюев видел выход в возрождении братских и общинных отношений. На фотографии одна из общин созданной им Крестовоздвиженского трудового братства

«Все Божественное, духовное впервые явилось мне через искусство, через одну ветвь его – музыку...»

Мария Юдина родилась и выросла в семье земского врача Вениамина Гавриловича Юдина в уездном городе Невель Витебской губернии. Семья являла собой типичный пример интеллигентной еврейской семьи, сосредоточенной на служении людям, но утратившей религиозные корни. Можно с уверенностью сказать, что в своей семье никакого религиозного воспитания Мария, как и ее сестры и братья, не получила. Р.И. Папернова-Шапиро, невеличанка и сверстница Юдиной, вспоминала: «Я Марусе как-то сказала, что мой отец неверующий, она вздохнула: «Мой тоже»».

Однако, несмотря на общую нерелигиозность, семья Юдиных была укоренена в еврейской культуре, существовала внутри еврейского сообщества, влияние которого Юдиной пришлось преодолевать в своих религиозных поисках, направленных в сторону христианства.

Записи о своих духовных поисках 17-летняя Мария Юдина ведет в личном дневнике, в котором она помещает не будничные и незначительные факты повседневной жизни, а «лишь большие мысли, ведущие к свету». Первая краткая запись от 30 августа 1916 г. сделана в Петрограде, куда Юдина приехала для получения образования в Петроградской консерватории.

Уже в этой первой записи Мария Вениаминовна формулирует один из фундаментальных принципов, определивших всю ее дальнейшую жизнь: «Я знаю один лишь путь к Богу: через искусство. <...> Я не утверждаю, что мой путь универсальный, я знаю, что есть и другие дороги. Но чувствую, что

мне доступен лишь этот; все Божественное, духовное впервые явилось мне через искусство, через одну ветвь его – музыку... Это мое призвание! Я верю в него и в силу свою в нем. Я должна вечно и неизменно идти по пути духовных созерцаний, собирать себя для просветления, которое придет однажды. В этом смысл моей жизни здесь; я – звено в цепи искусства»¹.

В дальнейшем, в ситуациях, когда Юдина оказывалась перед выбором между возможностью творческой деятельности и стремлением исповедовать свою веру, она сохраняла верность внутренней системе ценностей и приоритетов, что, начиная с 1930 г., приводило к прямым гонениям. В 1930 г. она была изгнана из Ленинградской консерватории, в 1940 г. – из Московской, а в 1960 г. – из института им. Гнесиных. С 1963 г. ее лишили возможности выступать во всех концертных залах страны. Этот мораторий длился в течение 3 лет. В 1968 г. ее сбита машина с номерами службы безопасности, что только по счастливой случайности не привело к гибели пианистки.

Начало духовного пути Юдиной было связано с попыткой разрешить важнейший для богоискательски настроенной интеллигенции начала XX века вопрос о соотношении веры и разума. Формирование ее мировоззрения происходит благодаря многообразному чтению, включавшему произведения известных философов, широкий круг русской и зарубежной поэзии (прежде всего, поэзия Пушкина, Тютчева и Вяч. Иванова), богословие, труды отцов церкви и русских религиозных мыслителей.

Среди трудов по философии, прочитанных в эти годы, в дневнике упоминаются работы по истории древней философии, «Метафизика в древней Греции» князя Трубецкого, труды Гегеля, Фихте, Куна Фишера, Лейбница, Спинозы, Бэкона, Локка, Берклэя, Юма, Канта, Шопенгауэра.

Продолжение на с. 2

М.В. Юдина в студенческие годы

«Все Божественное, духовное впервые явилось мне чрез и

Молодой девушке освоение мировой философской мысли никогда не давалось легко, но она проявляла удивительное упорство и целеустремленность, воспринимая чтение не только как труд интеллектуальный, но и как труд духовный: «Сижу в Публичной библиотеке. Трудно читается блаженный Августин (язык, главным образом), но я хочу и могу. Я добьюсь просвещения своего духа. Добьюсь? Откуда эта гордость? Нет, так или иначе, я еще не смею утверждать, но я, кажется, могу. Я еще не привыкла, мыслю слабо. Но, о, Господи, не можешь ли благословить труд духовный, он во имя Тебя, ибо Ты же создал в человеке дух, жаждущий истины. Аминь»².

Серьезное влияние на мировоззрение Юдиной оказали Владимир Соловьев и свящ. Павел Флоренский. В дневнике она отмечала: «Я пережила нечто удивительное, читая “Духовные основы жизни” Владимира Соловьева. Глава о молитве – это святая книга». Возможно, именно размышления Соловьева о молитве вызвали интерес Марии к храмовой молитве. В 1917 г. она еще не участвовала в православном богослужении, но в дневнике писала: «молиться, молиться в храме, при мерцании тысяч свечей, при дивном святом пении, о, как хочу я общей большой христианской молитвы. Господи Боже, дай мне силы на подвиг здесь». В дневнике она переписывает тексты церковных молитв: «Отче наш», Символ веры, молитву святого Фомы Аквинского.

К чтению трудов прот. Павла Флоренского Мария Юдина обращалась не только в период обучения в консерватории, но и на протяжении всей своей жизни. Она изучала «Столп и утверждение истины» и другие его работы, каждый раз открывая для себя новые, недоступные прежде сферы. Она старалась не прекращать «учиться духовно и нравственно»³. С.З. Трубочев отмечал, что «многократное чтение книги Флоренского стало для Марии Вениаминовны чтением книги жизни, когда на разных этапах жизненного пути открывались ей новые грани единой истины»⁴.

Именно в трудах свящ. Павла Флоренского Юдина находит разрешение важнейшего вопроса о соотношении веры и разума в «живом религиозном опыте, как единственном законном способе познания догматов»; о подлинности веры, воплощенной в практику жизни: «Истинная жизнь в Православии, ибо в католицизме и протестантизме она заменяется понятием – в первом – каноническим, во втором – научным. *Православие показуемо, а не доказуемо*» (курсив М.В. Юдиной. – С.Б.). Эти слова она пыталась воплощать в течение всей своей жизни.

Интеллектуальный и духовный труд в области изучения философии и христианской мысли подготовили Марию Юдину к встрече со своими первыми собеседниками и учителями. Родной город Невель стал для нее местом встречи и общения с выдающимися людьми, существенным образом повлиявшими на становление ее мировоззрения и выбор дальнейшего пути. Так, в 1918 г. Мария Юдина познакомилась с философом М.М. Бахтиным (1895–1975 гг.), приехавшим в Невель, чтобы спастись от голода. Дружбу с ним она сохранила на протяжении всей жизни. Во время длительных прогулок в окрестностях Невеля Бахтин излагал Юдиной начатки своей нравственной философии. П.В. Алексеев, исследователь творчества Бахтина, отмечает: «Через все исследование Бахтина проходят идеи об ответственности за свое единственное бытие в мире и культуре личности. Он считал, что философия должна исследовать жизнь как деятельность (не столько физическую, сколько духовную), как сплошное “поступление”». Важнейшей задачей бахтинской философии стала проблема объединения двух миров – мира культуры и мира жизни человека, проблема ответственности человека за

факт своего бытия. Согласно трактовке Бахтина, долг каждого человека – признать свою «единственность» и претворить в жизнь ответственным поступком, которым должна стать жизнь каждого отдельного человека.

Итогом обретения, осознания и воплощения в жизни христианской веры стало для М.В. Юдиной таинство крещения, которое состоялось 2 мая 1919 г. в храме Покрова Пресвятой Богородицы на Боровой улице в Петрограде. О подготовке к крещению Мария Вениаминовна почти не писала, по крайней мере, ее размышления об этом до нас почти не дошли. В ее дневнике среди долгих, серьезных аналитических рассуждений вдруг появляется молитвенное обращение: «Боже мой, Господи, как благодарю Тебя за то, что примешь меня в лоно Своей Церкви! Аминь. Вчера впервые была на богослужении. Кажется, я приду к христианству окончательно; хочу этого. Я в церковь первый раз иду, я Божьей благодати жду, я верю и надеюсь. Господи, помилуй! Аминь»⁵. Крестная мать, Евгения Оттен, вспоминала: «Внизу, под самым куполом храма, была большая купель. Крестил протоиерей Николай Чепурин. Кроме меня, никого не было, даже крестного, Льва Васильевича (Пумпянского). Почему-то он не мог прийти. <...> А еще над купелью, помню, были два или три небольших окна. День 2 мая был пасмурный, но когда начался обряд Святого Крещения, тучи немного рассеялись, и в те окна упал солнечный свет. Хорошо помню, как Марию Вениаминовну окутало золотое сияние»⁶.

Сразу же после крещения у прот. Николая Чепурина «в поисках большей строгости» Мария Юдина начинает ходить в храм Спаса на Водах, настоятелем которого был прот. Владимир Рыбаков. В те же годы она участвует в деятельности петроградского религиозно-философского кружка «Воскресение», объединявшего философов, ученых, представителей творческой интеллигенции. Юдина встретила в кружке хорошо известных ей по Невелю лиц, таких как М.М. Бахтин и Л.В. Пумпянский. Известно, что кружок собирался каждый вторник (его члены называли друг друга «вторничанами»). Обсуждаемые вопросы никогда не были ни чисто богословскими, ни литургическими. Они вращались вокруг освещения современных событий в духе христианства.

Всех объединял интерес к поиску путей религиозного возрождения посредством синтеза христианства и социализма. Никакой определенной политической ориентации кружок не имел. Широкий состав кружка был довольно подвижен. Кто-то отпадал, но в то же время приходили новые люди, главным образом молодежь, привлекаемая теми из членов кружка, которые сохранили связь с преподаванием.

Таким образом, уже в первые годы после крещения Юдина получает опыт как традиционного аскетического духовного руководства, жизни под руководством личного духовника, так и проявления общинного и соборного начала в устройении церковной жизни. В ее воспоминаниях «Немного о людях Ленинграда», написанных в 1946 г., есть восторженные слова, относящиеся не только к университетским учителям (Л.П. Карсавину, И.И. Толстому), но и к членам кружка «Воскресенье» (А.А. Мейеру, Г.П. Федотову, архим. Гурию (Егорову) и др.): «Я была счастлива, что в меня крепко были вложены некие основы интеллектуального и этического бытия вообще. <...> Я получила некие “ключи” к гуманитарному познанию вообще, необозримое поле мышления в целом, из коего могу черпать до гробовой доски... О, что это были за люди – и учителя, и ученики! То был поистине “цвет человечества!” Бескорыстие, трудолюбие, ответственность, активная добро-

Согласно опросу профессиональных критиков, проведённому журналом «Грамотфон», Мария Юдина входит в десятку лучших пианистов мира за всю историю

Искусство, чрез одну ветвь его – музыку...»

Из бакалаврской работы
Сергея Бурлаки «Духовный путь
М.В. Юдиной по материалам
ее дневников и переписки»

та, сила мысли... О «карьере» не помышлял никто, все было подлинным, из чистого металла, без подделок. <...> И сколь многие из них погибли смертью мучеников... Нельзя не упомянуть, глубоко склонившись пред их памятью»⁷.

К июлю 1922 г. относится одно из первых письменных свидетельств об участии Марии Юдиной в церковной жизни Петербурга. В своем письме композитору Ю.А. Шапорину она выразительно «умалчивает» о событии, которое не могло оставить ее равнодушной: «Я лишь вчера пришла в себя – когда был вынесен приговор – пришла в себя в том смысле, что напряженное ожидание перешло в отчаяние. Одно из самого ужасного – общественное равнодушие – глубокое, возмутительно»⁸. Речь в письме идет о приговоре, вынесенном Петроградским революционным трибуналом 5 июля 1922 г., по делу о сокрытии при изъятии церковных ценностей. Десять обвиняемых были приговорены к расстрелу, в их числе митр. Петроградский Вениамин (Казанский). На самом деле непосредственной причиной ареста стала принципиальная позиция, занятая митрополитом в отношении «обновленцев».

Мария Вениаминовна как прихожанка храма Спаса-на-Крови, имевшая среди обвиняемых добрых друзей, присутствовала на некоторых заседаниях во время слушания этого дела. В сентябре 1923 г. Юдина ездила в Москву, чтобы выразить свой протест и принять участие в заступничестве за арестованного в то время Патриарха Тихона. Одно из писем этого времени она заканчивает словами «Ваша верная и преданная московская безумная».

С 1927 по 1929 гг. духовный отец Марии Вениаминовны, отец Феодор Андреев, состоял в клире собора Воскресения Христова (собор Спас-на-Крови). Он был арестован осенью 1928 г. вместе с другими священнослужителями и мирянами. Юдина глубоко переживала его арест, тяжелую болезнь, которая усугубилась после нескольких месяцев, проведенных во внутренней тюрьме ГПУ, а затем и преждевременную кончину.

По свидетельству писателя Б.А. Филиппова, члена братства Св. Серафима Саровского, Юдина осуществляла поездки в лагеря и места ссылки к опальным епископам и привозила от них послания и наставления верным священникам и мирянам.

Многочисленные аресты и суды совершались над знакомыми и друзьями Юдиной не только по «иосифлянскому» движению⁹, но и по кружку «Воскресение». Юдина испытывала чувство глубокой вины за то, что не была арестована вместе с ними. По воспоминаниям Б.А. Филиппова, она мучительно переживала: «Почти всех моих знакомых, по крайней мере, раз, но арестовывали... А скольких послали в лагерь! Вот и Вас, Борис, уже несколько раз арестовывали. А я ни разу даже в ГПУ вызвана не была...»¹⁰. Конечно, и в те дни, и еще много раз на протяжении жизни она ожидала, что ее могут арестовать. О возможных причинах того, почему советская власть не применила к ней эту меру, сохранилось свидетельство знакомой Марии Вениаминовны по «иосифлянскому» движению В.Н. Яснопольской: «На одном из допросов <...> следователь вдруг заговорил о ней (Юдиной) с большим возмущением: «Она непременно хочет, чтобы мы ее арестовали – чтобы предстать мученицей в глазах Западной Европы, а вот мы ее и не арестуем!»»

На протяжении всей своей жизни М.В. Юдина старалась избегать компромиссов с властью, открыто гнавшей и преследовавшей церковь. Однако в разные периоды церковной истории ее сопротивление могло быть выражено по-разному: от прямого публичного протеста, позиции неприятия Декла-

рации о лояльности советской власти, отказа от евхаристического общения с теми, кто перешел меру компромисса – до открытой проповеди религиозных убеждений, поддержки гонимых представителей церкви и культуры.

Евангельский императив «кто отречется от Меня, от того Я отрекусь в последний день» в сочетании с рано осознанным призванием свидетельствовать о Боге и вере через музыку определил еще одну «практику духовного сопротивления» в жизни Юдиной. В своей музыкальной деятельности она «прикладывала силы ко всему – к прошлому, к сегодняшнему, к будущему, выявляя... вечное в искусстве и человеке»¹¹. Среди многообразных форм ее музыкальных занятий (педагогика, записи концертов, музыковедческие статьи и т.д.) особое место занимает ее концертная деятельность, всегда имевшая для Марии Вениаминовны характер христианского свидетельства. Имея возможность благодаря концертной деятельности обращаться к своим современникам непосредственно, она говорила о Боге и своей исполнительской манере, и в слове, сопровождавшем ее выступления. Она верила, что «человеческое слово упирается в Слово, а музыка окутана завесой тайны, и Слово обитает внутри ее бытия».

Обращение к слушателям во время концерта

¹ Юдина М.В. Невельский дневник // Она же. Вы спасетесь через музыку : Литературное наследие. М. : Классика-XXI, 2005. С. 25.

² Там же. С. 45.

³ Юдина М. Дух дышит, где хочет : Переписка 1962–1963 гг. М. : РОССПЭН, 2010. С. 515.

⁴ Трубачев С.З. В общении с Флоренским // Юдина М. Лучи божественной любви : Литературное наследие. М. : Университетская книга, 1999. С. 566.

⁵ Юдина М.В. Невельский дневник. С. 44.

⁶ Тиличьева Е.О. Полный синтез Ветхого Нового Заветов // Воспоминания Юдину. С. 108.

⁷ Юдина М.В. Немного о людях Ленинграда // Она же. Вы спасетесь через музыку. С. 86.

⁸ Юдина М.В. Высокий стойкий дух. Прим. 121. С. 55.

⁹ Одно из оппозиционных движений в Русской православной церкви, возникших в конце 1927 года. Объединило часть духовенства и мирян, вслед за Ленинградским митрополитом Иосифом (Петровых) отвергавших «Декларацию» Заместителя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея, прежде всего в части заявления полной лояльности советской власти («ваши радости – наши радости»). М.В. Юдина, присоединившаяся к «иосифлянам», вернулась в патриаршую церковь после смерти митр. Сергея.

¹⁰ Филиппов Б.А. Бесстрашие христианина. (Из воспоминаний) // Пламенеющее сердце. С. 160–161. Здесь можно вспомнить и рассказанный Д. Шостаковичем эпизод: в ответ на благодарность и денежную премию, переданную от Сталина, Мария Вениаминовна написала благодарственное письмо. В нём она сообщила, что деньги передала храму, прихожанкой которого была, и будет молиться за здоровье Иосифа Виссарионовича и за то, чтобы Бог простил ему многочисленные прегрешения, прежде всего, гибель множества ни в чём не повинных людей. Сталин ничего не ответил Юдиной.

¹¹ Юдина М. Дух дышит, где хочет. С. 623.

«Это – встреча с теми людьми, имена которых мы вспоминали»

Макет памятника жертвам репрессий (автор Эльза Пак) стоял в центре Никитинской площади, где проходила «Молитва памяти»

30 октября на Никитинской площади Воронежа в течение пяти часов читались расстрельные списки. «Молитву памяти» организовали православные братства во имя святителя Тихона Задонского и преподобного Силуана Афонского при участии Воронежской историко-просветительской организации «Мемориал», Комиссии по канонизации святых Воронежской епархии, а также при поддержке Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий городского округа Воронежа. Памятное чтение проводилось в городе уже в четвертый раз.

После совершения поминального богослужения к собравшимся с приветственным словом обратился протоиерей Василий Володько, настоятель Воскресенского храма. Он передал благословение и приветствие митрополита Воронежского и Лискинского Сергея, главы Воронежской митрополии.

Максим Пудовиков, председатель православного братства во имя преподобного Силуана Афонского, отметил: «Не хочется называть происходящее просто акцией, безусловно, это – встреча. Встреча всех нас, людей, которые выразили желание прикоснуться к очень важной трагической странице истории. И это встреча с теми людьми, имена которых сегодня мы будем зачитывать. Очень важно, чтобы они прозвучали хотя бы один раз в году».

Периодически чтение имен останавливалось на несколько минут, и звучали православные молитвы – о врагах, о России, о покаянии, милосердии, любви, а также песни Александра Галича «Когда я вернусь» и Сергея Никитина на стихи поэта Александра Величанского «Когда убили миллион» в исполнении студентки ВГУ Юлии Штонды.

Сайт «Страницы Воронежской культуры»
Ольга Крылова

Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам

Что значит для народа память о своих погибших

На новостной странице этого номера «Кифы» мы кратко рассказали о молитве памяти, о поминании жертв политических репрессий в разных городах постсоветского пространства. Но ведь важно не только что происходило, а и – почему.

Для многих людей вопрос о том, зачем мы вспоминаем тяжелые страницы нашей истории, остается открытым и пререкаемым. На проходившей в эти дни встрече, в которой участвовали члены общества репрессированных одного из подмосковных городов, я сказала в ходе обсуждения: «Нельзя не вспоминать всех погибших; если мы не будем этого делать, рана, нанесенная народу, не заживет». К моему удивлению, нашлись люди, которых это возмутило: «как это – заживет? Это что же – все забыть?» Только спустя несколько дней я поняла, что уже много десятилетий люди привыкли к тому, что боль от потери перестает мучить тебя не тогда, когда взываешь к милосердной памяти Божьей, а тогда, когда все забываешь. Может быть, поэтому так много людей сегодня не хотят помнить – и загоняют боль внутрь, где она будет продолжать разрушать нас, так и не найдя утolenия.

В эти дни многие люди говорили о том, почему мы поминаем погибших в страшной мясорубке XX века. Нам кажется очень важным услышать эти разные голоса.

Епископ Гомельский и Жлобинский Стефан (Беларусь, Гомель):

«Нам нужно помнить, что в земле лежат сотни людей, которые не только были убиты за веру, за знания, за убеждения, но и те, которые сами расстреливали, вчера – ты, сегодня – тебя. Этот день объединяет и мучеников, и мучителей. Кто-то из мучителей шел расстреливать добровольно, а кто-то под дулом автомата, не сознавая, что делает. Это было в истории, это память тысяч семей, в которых пострадали их родственники. В моей семье было семеро детей. Когда нас раскулачивали, то босых, раздетых детей и мать посадили зимой на сани, а отца запрягли и заставили ехать. Людей мучили за то, что они трудились ради семьи и государства, за то, что они своим трудом создавали, а не разрушали. Я верю, что память об этом не угаснет ни в церкви, ни в обществе, потому что это история каждого из нас, нашей семьи, нашего государства, и она обнаруживается, открывается».

Протоиерей Александр Степанов (Санкт-Петербург):

«Вот нас собралось сейчас не так много. Конечно, в течение дня сюда приходят сотни людей, но все-таки для такого огромного пятимиллионного города, как Петербург, это очень мало. И остальные люди, да, может быть, не совсем равнодушны, может быть, не все смогли прийти, но ведь сколько людей, которые равнодушны к нашему прошлому! Это значит – мы

не соединены совершенно с ними, мы по-прежнему находимся в совершенной разделенности, и как бы мы сегодня ни заклинали и ни говорили какие-то мантры о том, что мы все вместе, мы все друг друга любим, давайте все забудем, все всем простим – за этими словами не стоит, к сожалению, подлинного переживания трагедии, которую те люди пережили. Единство возможно в единстве переживания, сопереживания. И вот этого сопереживания-то мы видим очень мало. И уже не первый раз мы здесь собираемся и говорим о том, что прошлое, которое не продумано, не прочувствовано, не пережито в наших сердцах, непременно нас настигнет и вернется и будет с нами то же самое, что и с теми людьми. ...Мы мечтаем опять о силе, мощи и забываем о милости и любви. Только тот народ, та страна может быть сильна, которая солидарна. Солидарность – это всегда милость, это всегда любовь, это всегда соединение и людей ныне живущих, и их соединение с теми людьми, которые жили десятки лет назад, но которые не получили страдания в свое время, были безвинно замучены. И вот сегодня, собираясь здесь и совершая нашу молитву, мы, конечно, проявляем эту солидарность, хотя бы тем малым числом, которое собралось здесь. Дай Бог нам опомниться и воздать должное тем людям, прежде всего, в своем сердце уничтожив те ростки ненависти, агрессии, нелюбви, прощения, которые погубили наших отцов, наших предков. Мы сами должны быть другими».

Председатель КПЦ «Преображение» Алексей Наумов (участник молитвы в пос. Глебовский): «Акция «Молитва памяти» очень важна для нашей страны. Мы ответственны за все, что было на нашей земле. Как сказал Федор Михайлович Достоевский, «каждый за все и за всех виноват». Это – правильная позиция, без нее невозможно сделать ничего доброго. Нельзя просто делать вид, что ничего не случилось в те годы, жить, забыв о жертвах советских репрессий. Это будет неправдой, будет ложью. Нам важно, чтобы мы приходили к единству, миру, примирению, а к этому можно прийти только через усилие изменения своей жизни, через покаяние. Нужно то беспамяństwo, которое еще остается в нас, преодолеть усилием памяти, воссоединением связей. Те страхи, которые часто сковывают людей, нужно преодолевать усилием свободы, к которой призван всякий человек».

Материал подготовила
Александра Колымагина